

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.2.214.242>

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПОСЕЛЕНИЯ «ПАНОВО ГОРОДИЩЕ»

© 2023 г. А.В. Новиков

Статья вводит в научный оборот материалы, полученные при раскопках Пановской стоянки (поселения «Паново городище») в 1925 г. Б. С. Жуковым. «Паново городище» – памятник многократного заселения, первоначально данное место обживается в неолите, далее в эпоху бронзы осваивается носителями чирковских культурных традиций. В финале бронзы здесь появляется посёлок, связанный с носителями сетчатых керамических традиций (СКТК), на начальном этапе раннего железного века занятый представителями акозинской культуры АКХО. В VII–V вв. до н.э. поселение входит в круг памятников вятско-ветлужской культуры АКХО. Материалы, полученные при раскопках поселения, являются ценным источником для понимания процессов освоения бассейна р. Ветлуги ананьинскими коллективами, а также взаимодействия между носителями разных культурных традиций внутри самого ананьинского мира. В IV/III–III вв. до н. э. местность посещается носителями рогожных керамических традиций. Заключительный этап освоения площадки памятника приходится на конец I тыс. до н.э. – первую половину I тыс. н. э. и середину – третью четверть первого тыс. н. э. На поселении этого периода фиксируются разные керамические традиции, следующие друг за другом. Находки ярко отражают перечисленные выше этапы освоения площадки памятника. Важно отметить, что поселений первой половины I тыс. н. э. на лесных заволжских территориях на сегодняшний день известно крайне мало, материалов собрано недостаточно и изучены они пока слабо, в связи с чем актуальность обращения к материалам раскопок поселения «Паново городище» высока.

Ключевые слова: Поветлужье, Пановское поселение, эпоха бронзы, СКТК, ранний железный век, сетчатая и рогожная керамика, акозинская и вятско-ветлужская культура АКХО, лесное Заволжье, поздний этап железного века.

THE IRON AGE POTTERY ASSEMBLAGES OF THE SETTLEMENT "PANOVO HILLFORT"

A.V. Novikov

The paper includes into the scientific circulation the materials received during the excavations of the Panovo station in 1925 by B.S. Zhukov. "Panovo hillfort" is a monument of multiple settling, at first this place was inhabited in Neolithic, then in the Bronze Age it was populated by the bearers of Chirki cultural traditions. In the final Bronze Age settlement appears here, associated with the bearers of textile ceramics traditions, at the initial stage of the Early Iron Age occupied by the representatives of the Akozino culture ACHA (Ananyino Cultural and Historical Area). In VII-V centuries BC the settlement was included into the circle of monuments of Vyatka-Vetluga culture ACHA. The materials obtained during the excavations of the settlement are a valuable source for understanding the processes of development of the Vetluga River basin by the Ananyino communities as well as the interaction between the bearers of different cultural traditions within the Ananyino world itself. In IV/III-III centuries BC in this site the bearers of Gorodetz culture appear. The final stage of developing of the site falls at the end of the I millennium BC - first half of the I millennium AD and at the middle - third quarter of the I millennium AD. Different ceramic traditions, following each other, are fixed at the settlement of this period. The finds clearly reflect the above-mentioned stages of developing of the site. It is important to note that the settlements of the first half of the I millennium AD in the forest territories of the Transvolga region are very little known today, not enough materials have been collected and they are still poorly studied, and therefore the use the excavation materials from the settlement "Panovo hillfort" is relevant.

Keywords: Vetluga River region, Panovo settlement, Bronze Age, textile ceramics, Early Iron Age, textile and matting ceramics, Akozino and Vyatka-Vetluga cultures ACHA, forest Transvolga region, late stage of the Iron Age.

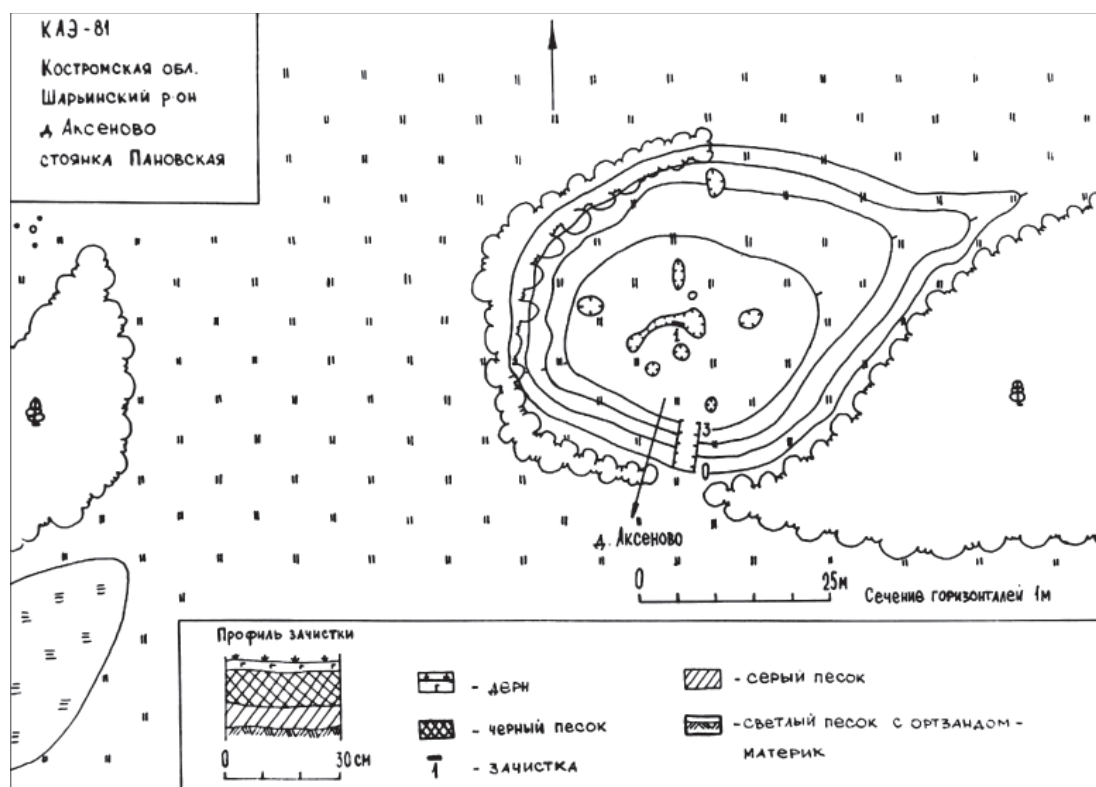

Рис. 1. План поселения «Паново городище». Выкопировка из паспорта памятника археологии. Составитель – К. И. Комаров, 21 ноября 1981 г.

Fig. 1. Plan of the settlement "Panovo hillfort". A copy of the passport of the monument of archaeology. Compiled by K. I. Komarov, November 21, 1981

Статья посвящена 130-летию со дня рождения выдающегося археолога Б.С. Жукова, чей вклад в изучение памятников археологии первобытной эпохи сложно переоценить. Большинство известных сейчас памятников железного века в регионе Поветлужья открыты и обследованы Антропологической экспедицией 1925–1927 гг., возглавляемой Б.С. Жуковым, при участии О.Н. Бадера и др. Среди изученных экспедицией памятников можно выделить такие городища, как Одоевское, Федоровское или Чортово, Богородское, Русенихинское и др. (Бадер, 1951а). О.Н. Бадером и М.В. Воеводским интерпретированы и систематизированы материалы экспедиции, определены характер памятников и их принадлежность (городища отнесены к ананьинской культуре). Материалы, собранные экспедицией, востребованы и сейчас. В настоящей статье рассмотрены комплексы керамики, полученные Б.С. Жуковым в 1925 г. при раскопках Пановского поселения.

Поселение «Паново городище» располагается в 1,3 км к ССВ от д. Аксеново (Шарьинский район Костромской области) на дюнном всхолмлении, возвышающемся над широ-

кой поймой правого берега р. Ветлуги на 3,5–4,0 м (рис. 1; 2) (Комаров, 1999, с. 287; Новиков, 2000). Останец находится в 60 м к ВСВ от озера Пановское. Местное название – «Городище» или «Курган». Памятник выявлен экспедицией под руководством Б.С. Жукова, обследующей берега р. Ветлуги, и получил название «Пановская дюнная стоянка близ д. Аксеново Ветлужского уезда» (Жуков, 1929, с. 63). В 1981 г. поселение обследовано К.И. Комаровым, а в 1999 г. – А.В. Новиковым (Новиков, 2000).

Первые раскопки на памятнике проведены Б.С. Жуковым в 1925 г. (рис. 3) (Бадер, 1951б, с. 17). Автор исследований отмечает, что культурный слой поселения значительно перемешан и содержит разновременные находки (Жуков, 1929, с. 66), а керамика, по его мнению, распадается на «неолитоидную», текстильную, сходную с городищами Одоевское I и Богородское I и др. (Жуков, 1929, с. 67).

Б.С. Жуков одним из первых советских археологов указал на важную роль керамики при изучении исторических процессов в древности, он своевременно поставил ключе-

Рис. 2. Пановская стоянка. Процесс раскопок 1925 г. Фото, номер в Госкаталоге 35129572. Местонахождение – Государственное бюджетное учреждение культуры Нижегородской области «Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник», ГОМ-15617/8.

Fig. 2. Panovo site. Excavation in 1925. Photo, number in the State Catalogue 35129572. Location – State budget institution of culture of Nizhny Novgorod region "Nizhny Novgorod State Historical and Architectural Museum-Reserve". GOM-15617/8.

Рис. 3. Поселение «Паново городище». Фото памятника, 1981 г. (из паспорта памятника археологии).

Fig. 3. Settlement "Panovo hill-fort". Photo of the site, 1981 (from the passport of the monument of archaeology).

вой вопрос о гибридных комплексах посуды, заложил основы для ее изучения и, что немаловажно, предположил, что на территории заволжских лесов облик культуры более консервативный, долго сохраняющий самобытность (Жуков, 1929, с. 72). Проблематика, определённая Б.С. Жуковым, востребована и в настоящее время, а предложенные схемы (Жуков, 1929, рис. 13) вовсе не лишены оснований (не считая ряда формулировок) и выглядят вполне допустимыми даже почти сто лет спустя. Культуры неолита, представленные вместе с городищами дьякова типа, костенос-

ными и «Пенза – Саратов», на выработанной Б.С. Жуковым схеме не должны смущать, здесь автор попытался показать достаточно архаичный облик культурных образований на территориях лесного Заволжья, при этом определяя и последовательное их развитие.

Небольшой обзор материалов из Пановского поселения сделал О.Н. Бадер, вслед за Б.С. Жуковым пришедший к выводу о неоднократном заселении данного места (Бадер, 1951б). Ранний комплекс находок из поселения, к которому относится многочисленный каменный инвентарь и керамика с расти-

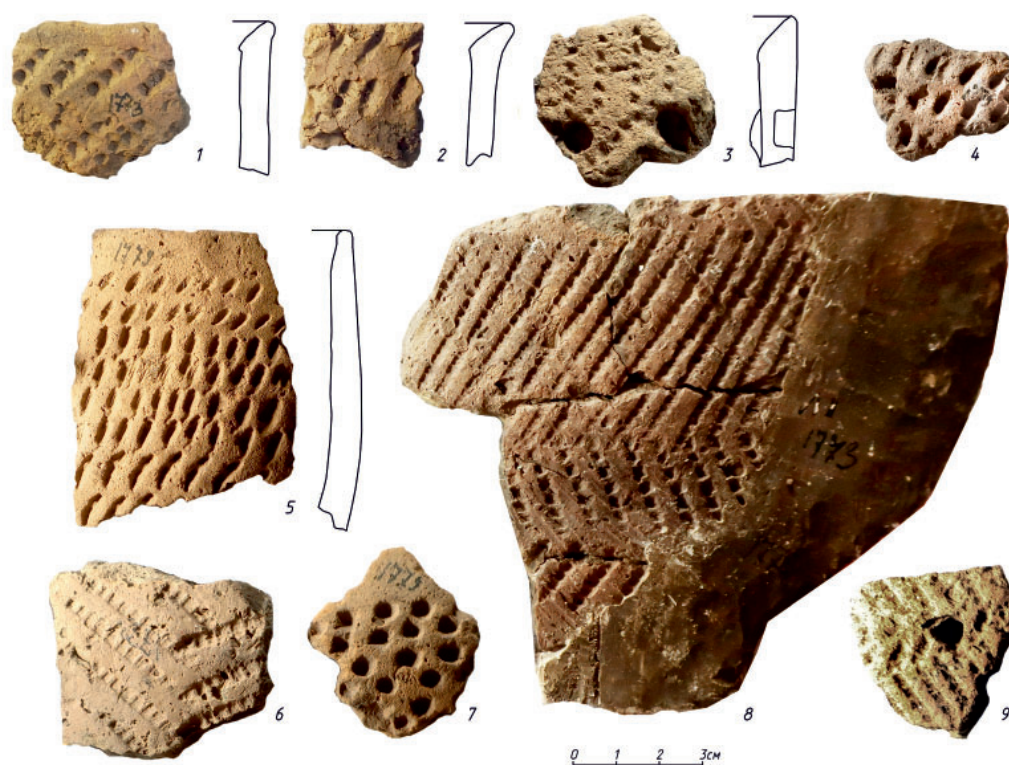

Рис. 4. Керамика эпохи неолита.

Fig. 4. Neolithic ceramics.

тельными примесями и зубчатым и ямочным орнаментом, по мнению О.Н. Бадера, близок стоянкам Балахнинской низины и Прикамья. Последующие в хронологическом отношении комплексы представлены обломками сосудов с «текстильными» отпечатками и сосудами баночной или горшковидной форм, с примесью шамота к глине, со сглаженной поверхностью, с орнаментом на шейках и частью на плечах в виде ямочных, зубчатых и линейных вдавлений (Бадер, 1951б, с. 18–19).

Далее приступим к характеристике керамической посуды, полученной при раскопках памятника Б.С. Жуковым. Выделяющиеся типологически и не связанные между собой разновременные комплексы керамики находились в перемешанном культурном слое (Жуков, 1929, с. 66). Особенность многих поселений, расположенных в левобережье Верхневолжского бассейна, заключается в многослойности и одновременно значительной смешанности находок. Поселение «Паново городище» входит в круг таких памятников и обладает, можно сказать, феноменальными характеристиками, его исключительность обусловлена прежде всего наличием не менее восьми керамических разновременных комплексов, в данной статье более подробно

рассмотрим часть коллекции, которая соотносится с РЖВ.

Керамические комплексы.

При исследованиях памятника в 1925 г. получена коллекция находок из глины и камня. Общее количество предметов по книге поступлений составляет 247 шт. Коллекция под номером ГОМ (Горьковский областной музей) 4059 хранится в ГБУК Нижегородской области «Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник». Автор выражает огромную благодарность Л.Д. Шакуловой за помощь при работе с находками в фондах НГИАМЗ, а также А.А. Швецовой за содействие при определении исходного сырья и формовочных масс.

Коллекция керамики фрагментирована, целых форм сосудов нет. Анализ керамического материала позволил выделить несколько групп посуды с различными признаками, самая ранняя относится к неолиту (рис. 4). Из особенностей формирования коллекции керамики следует отметить ее стратиграфическую неразделенность. Весьма интересен в коллекции один фрагмент, на котором имеются отиски, напоминающие рамчатый штамп (рис. 5: 5). Не будем сейчас подробно останавливаться на особенностях такого деко-

ра, только обратим внимание, что подобный стиль орнаментации характерен для керамики из Одоевского городища (Новиков, 2021б). Нельзя не отметить, что в 2022 г. при обследовании городища О.В. Новиковой обнаружена керамика, орнаментированная сгруппированными оттисками шнура, что типично для керамической традиции ВВК АКИО, и рамчатым декором, подобные мотивы известны и на посуде Богородского городища (рис. 6: 1–4). Посуда с рамчатым декором из Богородского городища, найденная при раскопках О.Н. Бадером и В.Е. Стояновым, часто украшается оттисками рамчатого штампа, сочетающимися именно с шнуровыми оттисками (коллекция ГОМ 12520). На Одоевском городище посуда, орнаментированная рамчатым декором, более представительна, а ее доля в целом в коллекции значительна. На наш взгляд, допустимо ставить вопрос о распространении и в ананьинской среде во второй четверти I тыс. до н. э. посуды с рамчатым декором т. н. «одоевского типа», что отражает некоторое локальное своеобразие подобной керамики ВВК АКИО на памятниках в Верхнем и отчасти Среднем Поволжье. Посуда раннего железного века с рамчатым штампом обнаружена и в Верхнем Посухонье на поселении Векса I (Новиков, Недомолкина, 2021, рис. 10: 18), небольшой шлейф распространения такой керамики фиксируется и далее на северо-западе (Новиков, 2021 б, с. 127–128), что может являться свидетельством участия населения Верхней и Средней Ветлуги в процессах культурогенеза на Северо-Западе.

Возвращаясь к фрагменту керамики из поселения «Паново городище», обратим внимание, что оттиски гребенчатого штампа на нём узкие и длинные, с не полностью замкнутыми концами, в отличие от керамики из Одоевского городища. Структура черепка довольно рыхлая, концентрация раковины в формовочной массе большая. Очевидно, правильно предположить, что он соотносится с чирковскими древностями. В частности, подобный стиль декора с узкими и длинными оттисками и не совсем замкнутыми концами использовался обитателями Юринской стоянки (Соловьев, 2016, рис. 68: 2).

Кроме комплексов керамики, относящихся к раннему железному веку, в коллекции «Панова городища» имеется посуда предше-

ствующего времени, кратко её охарактеризуем.

Самый ранний комплекс находок представлен фрагментами керамики развитого и позднего *неолита* (рис. 4). Облик находок позволяет говорить, что поселение развивается в традициях Волго-Камских неолитических культурных образований. Часть рыхлой по своей структуре керамики, по всей видимости, соотносится с волосовскими древностями. Толщина стенок сосудов 0,5–0,8 см. Встречается как хорошо заглаженная (плотная), так и рыхлой структуры. Орнаментирована посуда оттисками гребенчатого штампа (наклонные и вертикальные отрезки, многорядные зигзаги) и ямочными вдавлениями, встречаются ямки с плоским дном и конические в сечении. Край у сосудов скошен внутрь. Очевидно, с керамикой первой группы соотносится и большинство предметов из камня.

Керамика эпохи бронзы.

Следующая группа керамики принадлежит носителям чирковских культурных традиций (рис. 5). Керамика сильно измельчена, в большинстве рыхлая пористая. По фрагментам верхней части в коллекции выделяется не менее четырех сосудов. Поверхность заглажена. Посуда с органическими примесями (выщелоченная раковина) в формовочной массе. Край у сосудов плоский приостренный, отогнуто-округлый наружу. Шейки отогнутые (раструбообразные или желобчатые), один сосуд – с слегка вогнутой шейкой (рис. 5: 2). Переход шейки к плечикам достаточно резкий. Толщина сосудов в верхней части 0,5–0,7 см. Керамика орнаментирована оттисками длинного гребенчатого штампа, каплевидными и овальными вдавлениями, наколами. У одного сосуда под краем имеется волнистый рельефный валик-«змейка». Посуда близка чирковской керамике с Галанкиной Горы и Юринской стоянки (Соловьев, 2000; 2016). Чирковские древности Б.С. Соловьев датирует концом III – первой третью II тыс. до н. э. (Соловьев, 2016, с. 93).

Сетчатая керамика финала бронзы — начала РЖВ.

В третью группу выделена посуда, поверхность которой обработана сетчатыми отпечатками (рис. 7; 8). В коллекции насчитывается небольшое количество фрагментов такой керамики – 41. По фрагментам верхних частей выделяется не более девяти сосудов. Коллек-

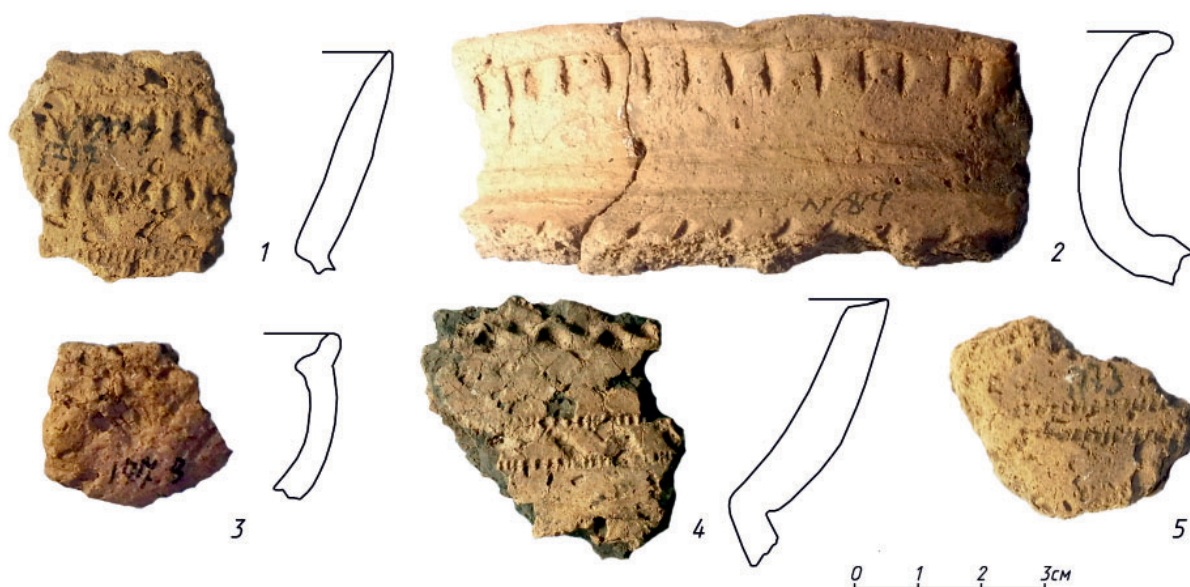

Рис. 5. Керамика чирковской культуры.
Fig. 5. Chirki culture pottery.

Рис. 6. Керамика с рамчатым декором «одоевского» типа из Богородского городища.
Fig. 6. Ceramics with frame decor of the "Odoevskoye" type from Bogorodskoye hillfort

ция сетчатой керамики выглядит достаточно цельно и имеет аналогии на памятниках финала бронзы – начального этапа РЖВ (СКТК (средневожская культура текстильной керамики) и аозинской АКЮ). По морфологическим особенностям оформления верхней части выделяются только горшковидные сосуды. Горшки с высокой цилиндрической,

иногда слабоотогнутой наружу шейкой. Переход к плечикам у одного горшка выражен, резкий, плечики выпуклые, у других (большинства) – плавный, плечики слабовыпуклые (рис. 7). Внутреннее ребро на керамике из Пановского поселения становится менее заметным, переход к плечикам – более плавным. Посуда с прямым горлом, переходящим

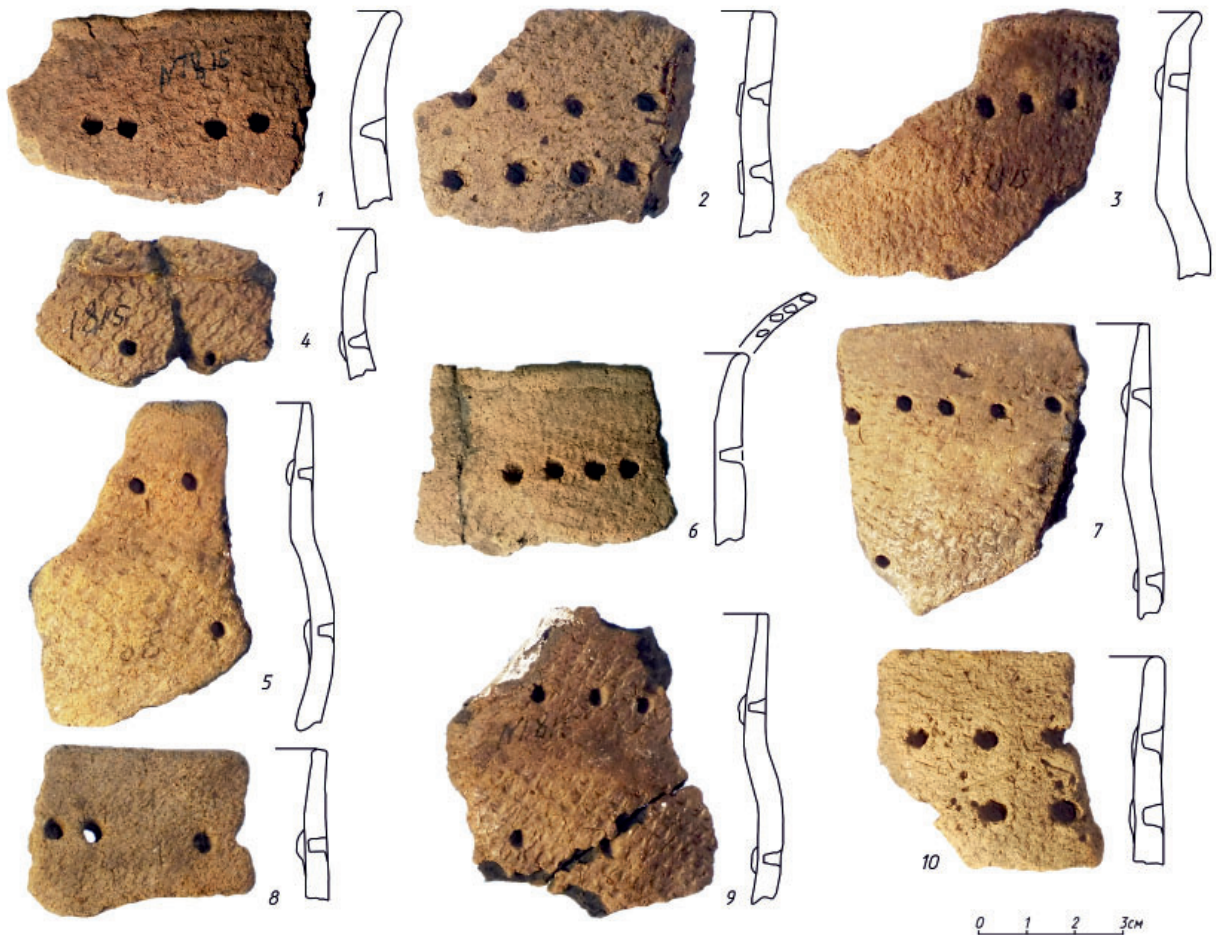

Рис. 7. Сетчатая керамика СКТК (№3), сетчатая керамика аказинской культуры АКЮ (№№ 1–2, 4–10).

Fig. 7. Textile ceramics (No. 3), textile ceramics of the Akozino culture Ananyino cultural and historical area (No. 1-2, 4-10).

в слабовыпуклое тулово, имеется на Ардинском (Патрушев, 2017, с. 65) и Богородском (коллекция ГОМ 12520) городищах. Реже в коллекции представлена плавнопрофилированная керамика со слегка вогнутой шейкой (рис. 7: 1, 4).

Выделяется край одного горшка, оформленный в виде небольшого приостренного валика (или короткого воротничка) – аналогичные венчики известны на Ардинском городище (Патрушев, 2017, с. 65). Шейка у этого сосуда плавновогнутая, поверхность обработана крупноячеистыми сетчатыми отпечатками (рис. 7: 4). У большинства же представленных сосудов край плоский, без утолщений, или округлый.

У одного сосуда, относящегося к СКТК, венчик, имеющий округлое окончание, сужается и слегка отгибается или заворачивается наружу (рис. 7: 3) – близкие сосуды известны на Казанской стоянке, Ардинском городище,

поселениях Мазарском и Мольбище (Чижевский, Галимова, Губайдуллина, 2019, рис. 12: 15; Михеев, 2017, рис. 8: 14; Соловьев, 1987, рис. 3: 9; Патрушев, 2017, рис. 4: 4; Соловьев, 2000, рис. 78: 2–4). Посуда с подобным отворотом только самого верха отчасти близка традициям формирования венчиков в эпоху поздней бронзы.

Весьма представительна в коллекции посуда, имеющая прямой срез края и утончающийся кверху венчик (рис. 7: 5, 7, 9), похожая собрана при раскопках Маклашеевского II и Ардинского городищ (Марков, 2007, рис. 32; Патрушев, 2017, рис. 4: 3). Сужающийся к краю венчик наблюдается и у плавнопрофилированной посуды. Близкие по стилю единичные горшки с цилиндрической шейкой и приостряющимся венчиком известны на поселении Умиленье (Новиков, 2021a, рис. 2: 14, 21), но отличают их от керамики из Пановского поселения орнаментальные мотивы (для

Рис. 8. Сетчатая керамика финала бронзы – начального этапа РЖВ (№№ 1–11), оборотная сторона (№№ 12–14). «Гибридная» керамика из Васильсурского II городища (№ 15).

Fig. 8. Textile ceramics of the Late Bronze Age – beginning of the Early Iron Age (No. 1–11), the reverse side (No. 12–14). "Hybrid" ceramics from Vasilsursk II settlement (No. 15).

керамики из поселения Умиленье характерны зигзаги из ямок, которых нет на керамике из Пановской стоянки). В целом следует отметить, что такая форма венчика не типична для сетчатой керамики Костромского Поволжья.

Фрагменты от донных частей в коллекции из Пановской стоянки отсутствуют, однако вполне вероятно, что посуда была округлодонной.

Черепки плотные. Керамика в основном коричневых оттенков, имеется и серо-коричневых. С внутренней стороны поверхность сосудов заглажена или заштрихована, штрихи при этом тонкие и сгруппированы в широкие разнонаправленные полосы (рис. 8: 12–14). Структура штрихов отличается от керамики

из поселений Верхней Волги (Федоровская, Вознесенское I, IV, Говядиново), где штрихи более широкие и с четкими выраженными глубокими бороздками, или выполнена беспорядочная легкая штриховка внутренней поверхности, как на поселении Умиленье (Новиков, 2021a, с. 52). Толщина стенок посуды Пановского поселения составляет от 0,45 до 1,0 см, в среднем около 0,5 см. Изготовлена керамика, как правило, из запесоченной глины, размерность зерен песка от 0,1 до 1,0 мм. Реже делалась посуда из среднезапесоченной или слабозапесоченной глины. Различия в источниках исходного сырья проявляются достаточно явно. Пылевидный песок присутствует как в большом количестве, так

и в малом, в формовочной массе некоторых фрагментов его практически нет. Часто встречаются включения окислов железа и оолиты бурого железняка. Прослеживаются и следы органического раствора, а также пустоты от выгоревшей растительной примеси в малой концентрации – можно предположить использование выжимки из навоза (исходное сырье и формовочные массы здесь и далее – определение А.А. Швецовой). Единично в аозинскую керамику добавлен редкий шамот (рис. 7: 5). Отметим интересный, на наш взгляд, момент: у ряда сосудов (СКТК) глина запесоченная, пылевидного песка в нём практически нет, в отличие от аозинских сосудов, у которых может наблюдаться различное исходное сырье.

Представленная сетчатая керамика из Пановского поселения орнаментирована только вдавлениями (округлой формы) – это основной элемент орнамента, такая же картина характерна и для сетчатой керамики из Казанской стоянки (Чижевский, Галимова, Губайдуллина, 2019, с. 126). Только на одной стенке сделан тычок. Ямки с рваными краями поставлены нечасто (при этом диаметр ямок обычно небольшой – 0,3–0,4 см). Ямки выполнены примерно через одинаковые интервалы и, вероятно, редко группировались по две в ряд (рис. 7: 1). Несгруппированные ямки типичны для аозинской керамики (Чижевский, 2019, с. 134). Вдавления чаще глубокие, образующие выпуклины с обратной стороны, редко слабо вдавленные. Ямки – с округлым или плоским дном. Для сетчатой керамики из Пановского поселения характерен поясок из ямок по шейке горшка, второй ряд из вдавленных обычно выполнен по плечикам или реже – в основании шейки, в более редких случаях ямки нанесены по тулову. Только один горшок орнаментирован по краю небольшими тычками (рис. 7: 6).

Внешняя поверхность керамики декорирована рябчатыми и нитчатыми отпечатками начиная от края горшка. Рябчатые отпечатки – мелкоячеистые и крупноячеистые, хаотично расположенные, редко регулярно построенные, встречаются узкой ногтевидной формы. Отпечатки в основном чётко вдавленные (чаще нитчатые или крупноячеистые рябчатые), имеются и слабо вдавленные подзатертые (как правило, мелкоячеистые рябчатые). Сетчатая керамика с нитчатым отпечатком на

поселении встречается несколько реже, впрочем, как и на Ардинском городище (Патрушев, 2017, с. 65), что сближает эти памятники с верхневолжскими. Структура нитей мелкая, наложены они близко друг к другу (чаще хаотично), встречаются и стежковые отпечатки. В коллекции из Пановского поселения отсутствует сетчатая посуда с заглаженными участками по шейке.

Относительно аозинской керамики стоит заметить, что ее поверхность декорировалась как нитчатыми, так и рябчатыми отпечатками (Патрушев, 1989а, с. 71; Новиков, 2021б, с. 115; Патрушев, 1989б, с. 108). Доля сосудов с нитчатым отпечатком на волжских поселениях достигает 38,3% (Патрушев, 1989а, с. 71). На поселениях Верхней Волги такое сочетание отпечатков у населения, изготавливавшего сетчатую керамику в РЖВ, становится менее популярным, превалирующий тип отпечатка – рябчатый мелкоячеистый (Новиков, 2015; 2020; 2021а), крупноячеистый отпечаток на сетчатой керамике появляется здесь уже в начале первого тысячелетия до н. э. (Новиков, 2020). Нитчатый отпечаток более характерен для керамики из памятников Окского бассейна (Фоломеев, 2017, с. 321).

На Пановском поселении нет керамики с подштрихованной внешней поверхностью, сочетающей штриховку (часто хаотичную) и сетчатые отпечатки, следами штриховки, наносимой поверх сетчатых отпечатков, а также сосудов, иногда совмещающих заглаженные, подштрихованные и обработанные сетчатыми отпечатками участки внешней поверхности, что весьма характерно для поселений финала бронзы – начального этапа РЖВ верхневолжской Волги и более северных территорий – Посухонья. Аозинская керамика при определенных сходствах с сетчатой керамикой верхневолжских типов все-таки обладает своеобразием и имеет свою выраженную специфику, в то же время влияние носителей аозинских традиций на население Верхневолжских регионов вполне ощутимо: по некоторому ряду признаков определяется сходство западных аозинских памятников и верхневолжских.

После распада текстильного мира эпохи поздней бронзы происходит перегруппировка населения, на посттекстильном пространстве образуются самостоятельные локальные культурные образования (раннедьяковская,

волховского типа, позднекаргопольская, городская, аозинская и др.), для большинства которых на ранних этапах становления характерна именно сетчатая обработка поверхности посуды, которая занимала главное место в керамических наборах. На верхневолжских поселениях, находящихся в окружении этих культур, практика сетчатой обработки сохраняется наиболее долго, почти на всем протяжении развития поселений в РЖВ население бережно сохраняет традиции, восходящие к эпохе поздней бронзы. В то же время при наличии особенностей, выраженных в керамическом производстве отдельных локальных обособленных культурных образований, в среде пока близкого населения культурно-исторической области с сетчатой керамикой на начальном этапе раннего железного века (IX–VI вв. до н. э.) коммуникации остаются ещё, очевидно, на высоком уровне: население достаточно легко обменивается информацией и новыми технологиями. Это объясняет и свободное обращение некоторой категории изделий на обширной территории, в частности аозинско-меларских кельтов, на данное обстоятельство обращает внимание С.В. Кузьминых (Кузьминых, 1977, с. 139). В пользу этого предположения говорят и находки литейных форм для изготовления кельтов аозинско-меларского типа на поселениях Верхневолжского региона (Ватажка) и Посухонья (Векса I), расположенных вне основного ареала аозинской культуры, вполне отчетливо определённого С.В. Кузьминых и А.А. Чижевским и включающего Казанское, Чувашское, Марийское Поволжье и Нижнюю Оку (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 34; Кузьминых, Чижевский, 2020, ил. 2).

Основной массив находок аозинско-меларских кельтов и форм для их изготовления вне главного ареала аозинской культуры в Волго-Камье приходится на районы Скандинавии. Судя по карте М.А. Юшковой, концентрируются такие находки и на территориях, располагающихся западнее – юго-западнее верхневолжского бассейна, замечен небольшой шлейф и севернее Волги (Юшкова, 2011, рис. 5). Распространение подобных изделий на запад из района Средней Волги до Скандинавии по цепочке среди родственного населения РЖВ с сетчатой керамикой предполагает и обосновывает С.В. Кузьминых (Кузьминых, 1977, с. 139).

Характер орнаментации сетчатой керамики РЖВ Поволжья имеет явные отличия в различных областях ее распространения, но основные принципы построения при этом остаются схожими. Морфология аозинской посуды, в свою очередь, также несколько отличается от керамики РЖВ из Верхневолжских поселений и раннедьяковской, при этом влияние носителей аозинских культурных традиций АКЮ на изготовление посуды на ряде поселений в верхневолжских регионах не исключается, а заимствования фиксируются. Например, на Минском городище известна керамика, орнаментированная гладким штампом, что не свойственно для сетчатой керамики из поселений Верхней Волги начала РЖВ. Для раннедьяковской посуды и сетчатой керамики верхневолжских типов начального периода раннего железного века характерны добавки дресвы (Лопатина, 2011, с. 128; Новиков, Швецова, 2022), примесь шамота в формовочную массу не добавлялась или составляет незначительные доли, отмечаясь в единичных сосудах. В аозинскую керамику шамот, напротив, включался, хотя примесь дресвы так же составляет большие доли (Михеев, 2017, с. 35). В формовочной массе керамики Пановского поселения фиксируются следы органического раствора и пустоты от выгоревшей растительной примеси, редко – единичный шамот.

Таким образом, на начальном этапе РЖВ между носителями сетчатых керамических традиций на сопредельных территориях – Верхней и Средней Волге – на качественном уровне сохраняются коммуникации и поддерживаются связи, о чем свидетельствует распространение аозинских материалов на поселениях Верхнего Поволжья, – на данное обстоятельство указывает и А. А. Чижевский (Чижевский, Кузьминых, Патрушев, 2021, с. 141). Сетчатая керамика из поселений Ярославского и Костромского Поволжья имеет определённые схожие черты с посудой Верхней Сухоны (Новиков, Недомолкина, 2021, с. 362), близость обнаруживается и с посудой из памятников Тверского Заволжья, но при этом керамика разных регионов уловимо различается между собой по характеру орнаментации: так, у материалов с памятников Тверского и Ярославского Поволжья более ощутим дьяковский след.

В свою очередь, керамические наборы и их сочетание на поселениях РЖВ Посухо-

нья и Белозерья несколько иные в сравнении с верхневолжскими. Выделяя отличия позднекаргопольских поселений от более южных (волжских), с сетчатой керамикой, нужно отметить, что на позднекаргопольских памятниках сочетается заглаженная керамика с узкой гребенкой, подштрихованная и сетчатая с рябчатым отпечатком (отличительный признак), на второй стадии развития появляется посуда ВВК АКЮ и гибридная, которая формируется на основе совокупного разнообразия признаков всей предшествующей керамики из поселений, в отличие от памятников бассейна Волги, где гибридный комплекс типа «ватажка» складывается на сетчатой основе (Новиков, 2018; 2022). Хорошо представлены на позднекаргопольских поселениях и изделия из кости, встречены из металла и камня (Ошибкина, 1975, с. 18) – данное обстоятельство также несколько отделяет позднекаргопольские поселения от верхневолжских с сетчатой керамикой. Важно обозначить и тот момент, что доля сетчатой керамики в соотношении с другими типами посуды на позднекаргопольских поселениях меньше (Ошибкина, 1975, с. 21; Манюхин, 1988, с. 13), в отличие от верхневолжских, где она значительно превалирует. Нетипична для волжских памятников и посуда с заглаженной поверхностью и оттисками гребенчатого (длинного и узкого) штампа, такая керамика, по мнению С.В. Ошибкиной, характерна для ранней стадии развития позднекаргопольской культуры (Ошибкина, 1975, с. 19): в это время на берегах Верхней Волги население по большей части поддерживало традицию изготовления сетчатой посуды, иногда и с подштрихованной поверхностью (штриховка чаще хаотичная), на Средней Волге – сетчатой.

Южные границы для керамики такого типа (с оттисками узкого гребенчатого штампа) стоит очерчивать регионом Белозерья и Верхней Сухоны, где она еще встречается на поселениях вместе с сетчатой и подштрихованной посудой, что, по сути, и оконтуривает южные границы позднекаргопольских древностей. На поселениях, приближенных к основному течению р. Волги, например, на городище Минском, она отмечается, но в единичном экземпляре, а по тулову обработана сетчатыми отпечатками (Новиков, 2019а, рис. 6: 4), ее появление здесь можно рассматривать в

рамках контактов между группами населения в РЖВ.

География распространения поселений с схожими традициями изготовления и развития сетчатой керамики в финале бронзы – начале раннего железного века (X/IX–VII/VI вв. до н. э.) в Верхневолжском регионе охватывает Молого-Шекснинское междуречье на западе и достигает долины р. Унжи на востоке (Новиков, 2022). Регион располагается на стыке культур начального этапа РЖВ – раннедьяковской, аозинской, позднекаргопольской, что определяет его своеобразие и способствует взаимодействию ряда культурных образований начального этапа РЖВ на этих территориях. Именно эти области с VI в. до н. э. станут активно осваиваться населением ВВК АКЮ. Данные лесные, в первую очередь левобережные, волжские районы объединяет схожесть проистекавших на них культурных процессов в финале бронзы – начале раннего железного века (до VI в. до н. э.). Выражается это в консервативности изготовления сетчатой керамики с традициями, восходящими к позднему бронзовому веку и долго сохраняющимися в керамическом наборе, наличии на поселениях предметов из камня (чаще это отщепы и односторонние скребки), практически полном отсутствии изделий из цветных и черных металлов (появляющихся во второй четверти I тыс. до н. э., ближе к окончанию), обязательном сочетании посуды с сетчатой (в большинстве), заглаженной и подштрихованной поверхностью, стиле орнаментации, морфологии верхней части, плоскодонности (часто дно с закраиной или уступом), значительном превалировании керамики, декорированной рябчатыми мелкоячеистыми отпечатками, которая, по сути, является индикатором поселений с сетчатой керамикой бассейна Верхней Волги, сходстве хозяйственного уклада, устройстве большинства поселений на краях низкой надпойменной террасы или останцах.

Безусловно, все выше поднятые проблемы требуют самостоятельного глубокого освещения. Сейчас рассуждения могут трактоваться только как постановка этого важного вопроса. Изучение специфики сетчатой посуды необходимо продолжить, предстоит четче определить и более узкие хронологические рамки изменений традиций ее изготовления на протяжении РЖВ.

Следует также отметить, что в коллекции находок из поселения «Паново городище» отсутствует гибридная керамика РЖВ. Очевидно, что расселение носителей сетчатых керамических традиций предшествовало появлению на берегах Верхней Ветлуги населения ВВК АКИО, которое активно проявляет себя в этих местах начиная с VII в. до н. э. Следовательно, можно предположить, что уже с VII в. до н. э. в верхнем и среднем течении Ветлуги происходит изживание традиции декорирования стенок горшков сетчатыми отпечатками (акозинская АКИО) и распространяется заглаженная керамика с шнуровыми и гребенчатыми отпечатками (ВВК АКИО). О данном обстоятельстве можно судить по материалам Богородского городища и собственно Пановской стоянки. Весьма немногочисленна посуда, сочетающая примесь раковины и сетчатую обработку поверхности, в коллекции Богородского городища, полученной при раскопках памятника в 1958 г. В.Е. Стояновым (коллекция ГОМ 12520). Гибридная керамика с сетчатыми отпечатками на поверхности и примесью раковины в формовочной массе начинает определять специфику поселений РЖВ, расположенных по берегам р. Волги, в приустьевых районах Ветлуги. Она встречается на Ардинском, Копаньском, II Васильсурском городищах (рис. 8: 15), Токаревском, Нижне-Услонском поселениях (Патрушев, 2017, с. 65; Халиков, 1962, с. 94, 104, 111, 151). А.Х. Халиков одним из первых обращает внимание на такую посуду. Близкая керамика была определена В.Н. Марковым на II Маклашеевском городище (Марков, 2007, с. 40). Рассматривая общий контекст взаимодействия культур АКИО (акозинской и вятско-ветлужской), можно говорить, что появление керамики с сетчатыми отпечатками, примесями раковины и гребенчато-шнуровым орнаментом на поселениях Средней Волги и Ветлуги, предположительно, происходит в конце VII в. до н. э., развитие подобной керамической традиции – в VI в. до н. э.

Общие признаки (стиль и характер орнаментации, степень выпуклости плечика, морфология верхней части горшка, отсутствие чашевидных форм сосудов, присущих для памятников СКТК, характер сетчатых отпечатков (в т. ч. наличие крупночешуйчатых отпечатков)) позволяют отнести основной массив керамики из Пановского поселения к акозин-

ской (или акозинско-ахмыловской) культуре АКИО, впервые выделенной С.В. Кузьминых (Кузьминых, 1977, с. 138–139; 1983), период бытования последней приходится на IX–VI вв. до н. э. (Кузьминых, Чижевский, 2017, с. 25; Чижевский, 2020, с. 167).

Поселение «Паново городище» – одно из самых северных известных сейчас поселений акозинской культуры, круг аналогий посуды из культурного слоя памятника входит в её очерченный ареал. Подобная керамика имеется на целой серии поселений: Ардинском, Васильсурском II, Сомовском I, II и Богородском городищах, Сиухинском, Мольбище, Казанском, Нижне-Услонском поселениях (Патрушев, 2017, рис. 3–6; Патрушев, 1989 б, рис. 2: 7, 9–10, рис. 3: 1; Михеев, 2017, рис. 9–10; Ефремова, Соловьев, 2014, рис. 13; Халиков, 1962, табл. XXII, XXX, Никитин, Соловьев, 2001, рис. 8: 3–10; Стоянов, 1959; Чижевский, Галимова, Губайдуллина, 2019, рис. 12). Вместе с тем появление носителей сетчатых керамических традиций на поселении «Паново городище» происходит уже в эпоху поздней бронзы, финале бронзы. Посуда из поселения имеет некоторые общие черты с частью керамических комплексов из Мазарского поселения, поселения Мольбище и Гулькинской стоянки – памятников круга древностей средневожской культуры текстильной керамики (СКТК) (Чижевский, Соловьев, Азаров, 2021).

В целом сетчатая керамика бассейна р. Ветлуги (особенно в верхнем и среднем ее течении) изучена еще недостаточно. На поселенческую активность носителей сетчатых керамических традиций в финале бронзы – раннем железном веке на берегах р. Ветлуги может указывать керамика, найденная в нижних слоях Богородского городища (Стоянов, 1959, с. 162, 181), на Одоевском городище и поселении «Паново городище». Небольшое количество сетчатой керамики при разведках собрано на Нагорном поселении и городище Селиваниха (Николаенко, 2013).

Керамика ВВК (гребенчато-шнуровой керамики) АКИО.

Комплекс керамики ананьинского облика (ВВК) в коллекции немногочисленный. По фрагментам верхней части насчитывается шесть горшковидных сосудов этой группы (рис. 9). Керамика измельчена (ломкая, рыхловатая), редко встречаются крупные обломки. Поверхность фрагментов снаружи и изнутри

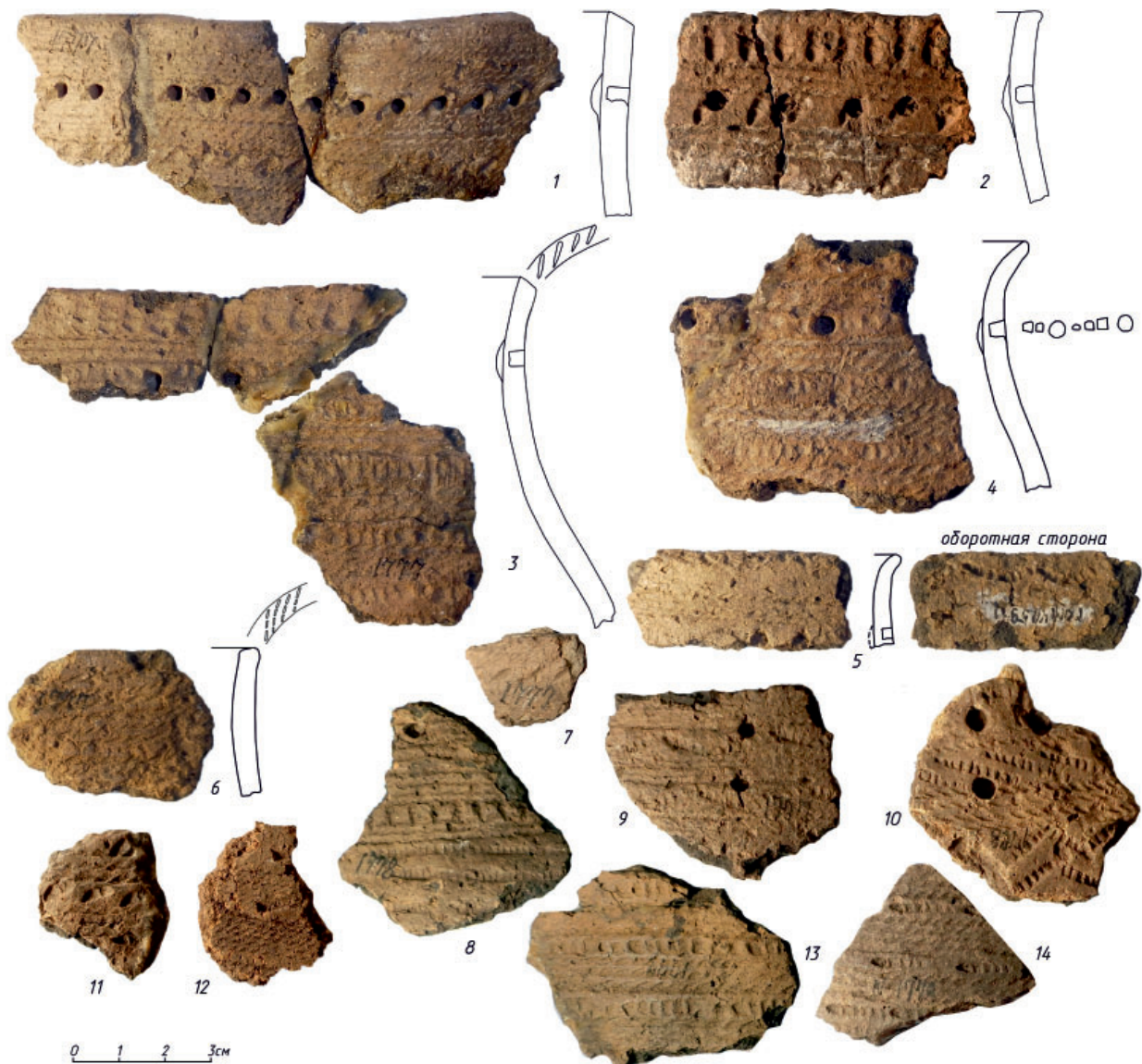

Рис. 9. Керамика вятско-ветлужской культуры АКЮ.

Fig. 9. Ceramics of the Vyatka-Vetluga culture Ananyino cultural and historical area.

заглажена. Толщина стенок посуды варьирует в пределах 0,4 до 0,5 см, редко достигая 0,6 см. Цвет керамики с внешней стороны чаще коричневых оттенков, с внутренней – от серо-коричневого до серого, темно-серого. В изломе – от темно-серого до черного цветов.

По морфологическим признакам выделяется посуда с вертикальными или слабоотогнутыми горловинами. Шейка средняя или высокая. Плечики слабовыпуклые. Преобладают горшки с относительно высокой шейкой и слабовыпуклыми плечиками. Имеются в коллекции сосуды с сильно отогнутыми наружу венчиками и плавновогнутой шейкой (рис. 9: 4, 5) – керамической традицией, характерной для памятников ВВК АКЮ бассейна р.

Вятки. На преобладание цилиндрических сосудов на Ветлуге при наличии горшковидных с плавно отогнутым горлом указывал еще А.Х. Халиков (Халиков, 1977, с. 243). Следует отметить, что на ближайшем к Пановскому поселению Одоевском городище также преобладает посуда со слабовыпуклыми плечиками (Новиков, 2021б).

Оформление края посуды – плоский, округлый, округло-утолщенный, слегка скошенный наружу. У двух горшков срез орнаментирован косопоставленными отрисками гребенчатого штампа и косыми нарезками.

В состав формовочной массы керамики ВВК АКЮ добавлялась раковина моллюсков (выщелочена). Для изготовления посу-

ды употреблялась незапесоченная глина без пылевидного песка или с мельчайшим пылевидным песком.

Украшена керамика ВВК АКИО из Пановского поселения гребенчатым штампом, шнуровыми оттисками, вдавлениями. Орнаментальная зона начинается сразу из-под края сосудов. При орнаментации используется сочетание оттисков гребенчатого штампа и шнура; гребенчатого штампа, шнуровых оттисков и ямок; шнуровых оттисков с ямками. Особенность вятско-ветлужской керамики, выраженную в сочетании посуды с гребенчато-шнуровой и гребенчатой орнаментацией, часто дополняемой и ямками, выделяет А.А. Чижевский (Чижевский, 2020, с. 228). Гребенчато-шнуровую керамику с вятско-ветлужским междуречьем связывал и В.Н. Марков (Марков, 2007).

Оттиски многорядного шнура всегда наложены с разделителями. В одной полоске группируются по три, четыре, шесть рядов из шнуровых оттисков. Направление оттисков – левонаклонное и правонаклонное. В качестве разделителей использованы ряды каплевидных вдавлений, однорядные зигзаги из оттисков гребенчатого штампа, короткие наклонные и вертикальные оттиски гребенчатого штампа, округлые, подпрямоугольные, каплевидные и подовальные неглубокие вдавления, неорнаментированное пространство. Часто фиксируются именно неглубокие вдавления, больше напоминающие тычки. У одного сосуда в качестве разделителей присутствуют горизонтально нанесённые короткие отрезки гребенчатого штампа – аналогичное расположение оттисков гребенчатого штампа характерно для лебяжской посуды (Буров, 1983, с. 35, рис. 2: 18).

Из оттисков гребенчатого штампа создавались однорядные и многорядные зигзаги, делались наклонные отрезки и горизонтальные линии. Один фрагмент в коллекции украшен с внутренней стороны однорядным зигзагом из оттисков гребенчатого штампа, выполненным сразу под краем (рис. 9: 5). Оттиски гребенки встречаются как четко вдавленные, так и слабо углубленные. Едва заметные оттиски гребенчатого штампа характерны для лебяжской орнаментальной традиции (Буров, 1983, с. 35). Ямки делались глубокие, образующие выпуклины с обратной стороны, дно у них плоское. Вдавления размещены по шейке

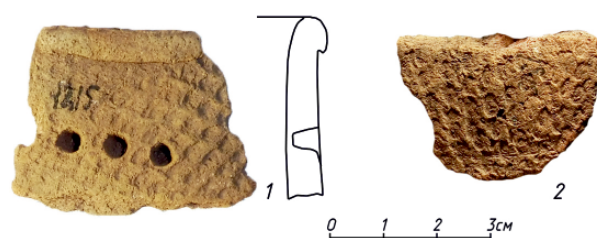

Рис. 10. Рогожная керамика.

Fig. 10. Matting ceramics.

сосудов – тождественная посуда собрана на Богородском, Русенихинском, Ардинском городищах, других памятниках Поволжья и в районах Средней Волги, прилегающих к устью Ветлуги. Встречаются «глазчатые» ямки, на одном горшке они состоят из круглых ямок, поставленных поверх коротких наклонных оттисков гребенчатого штампа (рис. 9: 2).

Орнаментальные характеристики части керамики из Пановского поселения близки посуде европейского Северо-Востока типа ластва (использование однорядных зигзагов в качестве разделителей шнурового орнамента) (Васкул, Ашихмина, 2021, рис. 11: 2–3). Чередование глубоких ямок и коротких оттисков гребенчатого штампа (вертикальных и наклонных) с трехрядными оттисками шнура (присуще для керамики Пановского поселения) прослеживается и на посуде из поселения Себьяг I (Васкул, Ашихмина, 2021, рис. 13: 4).

В целом керамика рассматриваемой группы типична для вятско-ветлужской культуры. Формирование такого керамического набора на Пановском поселении происходит в VII–V вв. до н. э. и связано с первым и вторым этапами среднего периода развития АКИО (Черных, Чижевский, 2021, с. 239–240).

Керамика с рогожными отпечатками.

В коллекции имеется всего два фрагмента керамики с рогожными отпечатками, по форме близкими к подпрямоугольным (рис. 10). Отпечатки четкие. Один фрагмент является обломком венчика: край утолщен, с валиковым наплывом наружу и свисающим приостренным кончиком (рис. 10: 1) – такая форма не совсем типична для городецкой рогожной посуды (Ставицкий, 2021, рис. 6, 7). Шейка практически прямая. Фрагмент коричневого цвета. Сосуд изготовлен из запесоченной глины, орнаментирован по шейке ямками, вероятно, группирующимися в один ряд, вдавления при этом округлые и глубо-

Рис. 11. Заглаженная керамика середины – третьей трети I тыс. н. э.
 Fig. 11. Smoothed ceramics of the middle – third third of the I millennium AD.

кие, однако выпуклин с обратной стороны не образуют. С внутренней стороны фрагмент хорошо заглажен. Следует отметить, что для поселений левобережных заволжских лесных районов керамика, обработанная рогожными отпечатками, не свойственна: единично она встречается на Ардинском городище, один фрагмент известен в коллекции из Одоевского городища (Новиков, 2021 б; Новиков, 2018, рис. 128; Михеев, 2017), в небольшом количестве рогожная посуда присутствует на Чортовом городище (Ефремова, 2010, с. 45). На памятниках археологии западнее Ветлуги, в левобережных районах Верхней Волги, керамика, декорированная рогожными отпечатками, неизвестна. Её появление собственно в городецкой среде относится исследователями к VI–V вв. до н. э., а доминирование на памятниках отмечается в IV в. до н. э. (Ставицкий, 2021, с. 326–327).

Ставить вопрос о возможных культурных контактах населения ВВК АКЮ с носителями городецких керамических традиций на берегах р. Ветлуги, на наш взгляд, преждевременно. Сейчас, чтобы утвердительно говорить об этом, нужны дополнительные материалы, а пока имеющихся данных недостаточно для таких выводов. Повторимся, что сами комплексы керамики на Пановском поселении сильно перемешаны в культурном слое, что не позволяет установить стратиграфическую

позицию подобной посуды. По всей вероятности, появление немногочисленных групп населения с традициями рогожной обработки поверхности керамики происходит уже после активной фазы развития ананьинских поселений на берегах Ветлуги и до плотного освоения данного региона населением с традициями изготовления керамики с заглаженной и подштрихованной поверхностью, в II–I вв. до н. э. Предлагаемая хронологическая позиция для рогожной керамики из Пановского поселения, соответственно, не ранее середины I тыс. до н. э. (предположительно, IV/III–III вв. до н. э.), когда происходит увеличение доли такой керамики собственно и на самих городецких поселениях.

Керамика позднего этапа железного века (конец I тыс. до н. э. – первая половина I тыс. н. э.) и середины – третьей четверти I тыс. н. э.

Керамика этой группы, так же как и предшествующей, измельчена. По характеру обработки поверхности и составу примесей в формовочной массе выделяются два разных типа (рис. 11; 12). В то же время вектор взаимодействия групп населения, оставивших заглаженную керамику разных типов, сейчас не совсем понятен. Истоки и развитие различных керамических традиций на поселении пока трудно объяснимы, но, вероятно, следует предположить их последовательную смену.

Надо отметить, что существует сложность при интерпретации и выделении заглаженной керамики на территориях лесного Заволжья (Верхнего Поволжья в частности), так как немногочисленные памятники, появившиеся на берегах р. Ветлуги следом за ананьинскими, изучены на сегодняшний день слабо, керамика первой половины I тыс. н. э. также не выделена.

Керамика первого типа с заглаженной (шероховатой или бугристой) поверхностью и примесями в формовочной массе крупного грубого шамота (рис. 11). Для изготовления сосудов использовалась слабозапесоченная или незапесоченная глина (проявляются некоторые различия в источниках исходного сырья). Шамот в среднем в концентрации 1:5. Есть признаки наличия органического раствора в виде выжимки. Толщина стенок 0,5–0,6 см. В коллекции имеются стенки, одна из них – со сквозным отверстием, и два венчика, в основании шейки одного из них также сделано сквозное отверстие. Посуда горшковидная плавнопрофилированная. Шейка у сосудов относительно короткая, слегка отогнутая наружу, плечики слабовыпуклые (рис. 11: 4–5). Отметим, что горшки близки по морфологическим характеристикам посуде второго типа группы 2 Пановского поселения. Такая посуда известна на Чортовом городище (Ефремова, 2010, рис. 116–117, 119). Схожая керамика, только с более крутыми плечиками, известна и на Пайгусовском городище, и на Удельно-Шумецком селище (Никитина, 2002, рис. 33: 2, 3).

Заглаженная керамика с примесями шамота в формовочной массе характерна для древнемарийских памятников (Архипов, 1962; Никитина, 2002, с. 116). В частности собрана на Ардинском городище, ее принадлежность А.В. Михеевым вслед за Г.А. Архиповым и В.С. Патрушевым (Архипов, Патрушев, 1985, с. 60–61) определена как древнемарийская, найдена она была в одном горизонте вместе с датирующим предметом – бронзовой сьюлгамой, по совокупности находок горизонт формируется в IV–VII вв. н. э. (Михеев, 2018, с. 247–250). Керамика с шамотом значительно преобладает в верхнем слое Чортова городища, ее доля среди раннесредневековой керамики составляет 84% (Ефремова, 2010, с. 41). В целом география памятников с такой близкой керамической традицией довольно

широка (Никитина, 2002, с. 116–117). В низовьях Ветлуги керамика с примесями крупного шамота собрана В.В. Никитиным на селищах Сутыри I и II (Никитин, 2009, с. 274), известна она и на других памятниках Поволжья.

В Марийском Поволжье памятники I тыс. н. э. были обследованы МАЭ в 1956–1959 гг. и по большей части относятся к середине – началу второй половины I тыс. н. э. Первоначально их специфику определил Г.А. Архипов (Архипов, 1962), в дальнейшем материалы систематизированы Т.Б. Никитиной (Никитина, 2002).

Таким образом, посуда с примесями грубого шамота в формовочной массе из Пановского поселения могла изготавливаться в конце второй четверти – середине I тыс. н. э., бытовала такая посуда и в третьей четверти, находит ближайшие аналогии на памятниках Марийского Поволжья, однако процесс развития поселений с подобной посудой на берегах верхней и средней Ветлуги еще необходимо детализировать и уточнять: керамика не типологизировалась, и более узкое время появления тех или иных керамических форм сейчас определить сложно.

Традиция изготовления керамики с бугристой, небрежно обработанной поверхностью и грубыми шамотными примесями фиксируется еще на памятниках писеральско-андреевского типа (Зубов, 2021, с. 408), что в целом может наметить время начала формирования керамики подобного облика на прилегающих к лесному Заволжью территориях, но, конечно, никак не свидетельствовать о принадлежности Пановского поселения к кругу писеральско-андреевских древностей.

Керамика второго типа с хорошо заглаженной (у части сосудов с подлощенной) поверхностью (рис. 12). Посуда изготавливалась из среднезапесоченной и слабозапесоченной глины с пылевидным песком. Часто встречаются включения окислов железа и оолиты бурого железняка. Шамот чаще всего в концентрации 1:6. Преимущественная крупность 1–2 мм, много мелкой крошки. Есть признаки наличия органического раствора в виде выжимки. В целом керамика этой группы по исходному сырью несколько неоднородна. Выделяется сосуд с пальцевидными вдавлениями по краю. Глина слабозапесоченная, практически без пылевидного песка, хотя

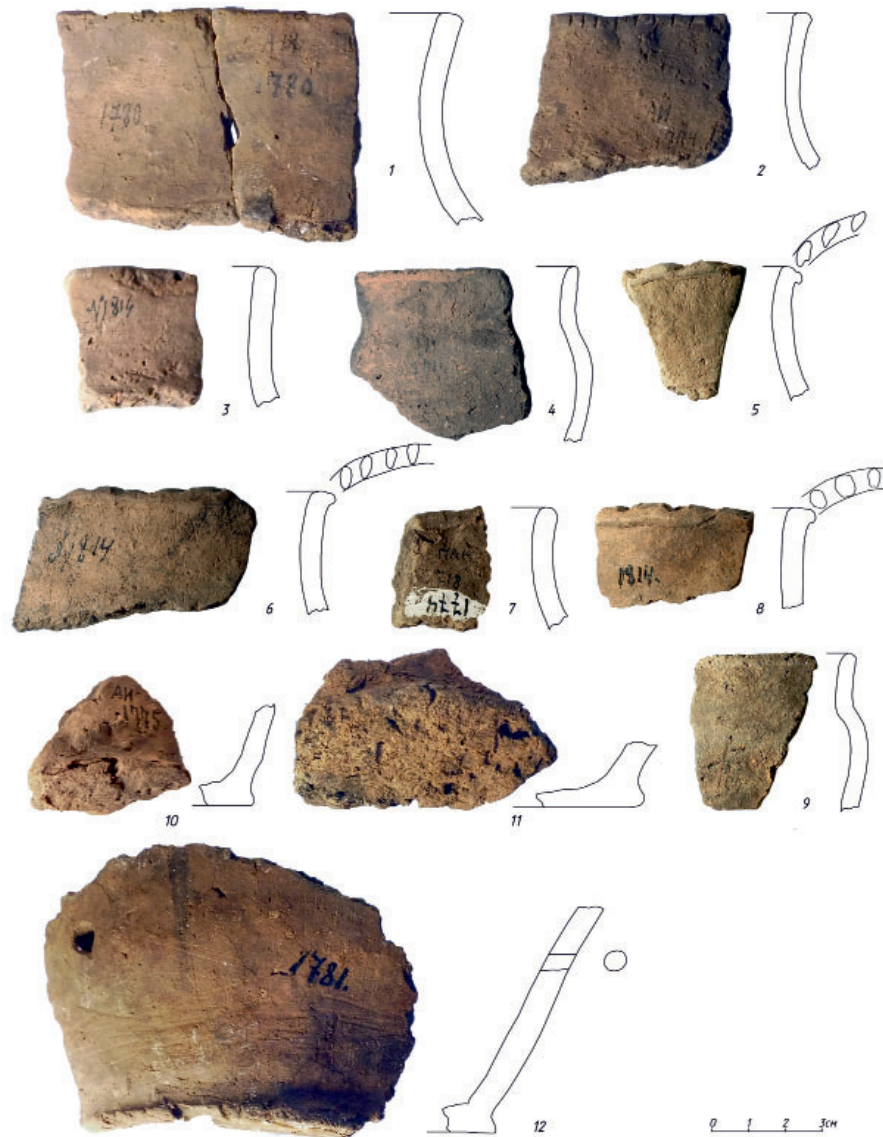

Рис. 12. Заглаженная керамика первой половины I тыс. н. э.
Fig. 12. Smoothed ceramics of the first half of the I millennium AD.

состав формовочных масс близок остальной керамике этой группы.

Изнутри поверхность посуды подштрихована или заглажена (чаще). Толщина стенок 0,45–0,8 см. Посуда плоскодонная, донца с небольшим уступом или закраиной (рис. 12: 10–12). Один сосуд в придонной части имеет сквозное отверстие (рис. 12: 12). По верхним частям возможно выделить девять сосудов и разделить их на три группы.

Керамика с высокой плавно вогнутой шейкой и округло-утолщённым краем (плечики, вероятно слабовыпуклые, обломаны) (рис. 12: 1–2). У одного сосуда сразу под краем нанесены вертикальные насечки (рис. 12: 2). Близкий, но не идентичный горшок с насечками под краем, только с грубо заглаженной поверх-

ностью и орнаментом в основании шейки и по плечикам, был найден на Криушинской дюне. Погребение, в котором он обнаружен, датировано концом III – первой половиной IV вв. н. э. (Мясников, с. 25, рис. 12: 12). Схожая посуда, датирующаяся III–V вв. н. э., имеется и на поселении Говядиново, для нее так же характерно и плоское дно с небольшой закраиной (Новиков, 2019б, с. 299–300, рис. 13: 1–2, 14). Керамика с насечками известна на Шилихинском городище (Архипов, 1985, с. 13). Наконец, насечки, размещенные по краю сосудов, весьма характерны для городищ Марийского Поволжья (Архипов, 1962, с. 230).

С относительно короткой, слегка отогнутой наружу, прямой шейкой или слегка вогнутой и слабовыпуклыми или выпуклыми плечиками

(рис. 12: 4, 9). Явно крутых плечиков у горшков нет. Край у этого вида сосудов скруглен.

Со средней по величине плавно вогнутой или практически прямой шейкой (рис. 12: 3, 5–8). Край округлый или Г-образный. Керамика с Г-образным краем орнаментирована большими тычками (или пальцевидными вдавлениями, защипами) и приобретает гофрированную поверхность (рис. 12: 5–6, 8). Керамика с подобным Г-образным выступом наружу традиционна для сетчатой посуды верхневолжских регионов.

Обращая внимание на особенность орнаментации края посуды из Пановского поселения, следует сказать, что близкая традиция декорирования края пальцевидными вдавлениями характерна для памятников позднескифского круга Среднего Поволжья, датирующихся I–III в. н. э. (Стащенко, 2021, рис. 2, 4, с. 413–414, 420).

Керамика из Пановского поселения обладает определенными сходными чертами с заглаженной посудой из первого (верхнего) слоя Одоевского и Богородского городищ, на эту близость обращал внимание еще Б.С. Жуков, выделив ее в т. н. группу «С». В то же время на Одоевском городище в верхнем слое содержится подштрихованная, сетчатая, с неплотным заполнением поверхности отпечатками (разреженными) и заглаженная керамика, а на Пановском поселении получают развитие только заглаженные типы посуды. Учитывая эти обстоятельства, время формирования керамической коллекции на Пановском поселении, вероятнее всего, приходится на самый конец I тыс. до н. э. (не ранее I в. до н. э.), предположительно именно *первую треть I тыс. н. э.*, до появления на памятнике в IV/V–V вв. н.э. керамики с грубыми шамотными добавками. Более детальное хронологическое деление для керамики левобережных лесных районов Верхней Волги пока сделать не представляется возможным. Керамические традиции, их преемственность и развитие еще не изучены.

В 2022 г. по углю из верхнего культурного слоя Одоевского городища получена радиоуглеродная дата, указывающая на начало его формирования на рубеже III/II (II) в. до н. э. – I в. н. э.: 2087 ± 45 BP (68,3% 164–46 cal BC (68,3%); 95,4% 343–321 cal BC (3,2%), 202 cal BC – 20 cal AD (92,2%)). О.Н. Бадер комплексы керамики из этого слоя датировал первыми

веками н. э. (Бадер, 1951б, с. 31). Радиоуглеродное датирование выполнено в Лаборатории изотопных исследований ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (г. Санкт-Петербург). Работы проведены канд. геол.-минерал. наук, доцентом кафедры геологии и геоэкологии М.А. Кульковой.

Вполне допустимо, что слой формировался и на протяжении всей первой половины первого тысячелетия н. э. или по крайней мере первой его трети. Выделяется и комплекс керамики с шамотом и органическими добавками в формовочной массе, который может быть датирован и серединой I тыс. н. э. Для конкретизации данных по финалу этих древностей нужны новые полевые работы. Верхний слой Богородского городища Г.А. Архипов датировал городецким временем, серединой I тыс. н. э. (Архипов, 1985, с. 13).

О.Н. Бадер на основании изучения керамики из верхнего слоя Одоевского городища предположил, что она близка посуде позднедьяковских городищ из более западных районов Поволжья, включая бассейн р. Унжи, и сделал вывод о смене «культурных форм» в Поветлужье (Бадер, 1951а, с. 153–155). К близкому выводу пришёл и Г.А. Архипов, но связывал он это с продвижением позднегородецкого населения в левобережные волжские районы (Архипов, 1962, с. 230). А.Х. Халиков предполагал освоение Поветлужья в III–IV вв. н. э. населением из правобережных районов Волги и ассоциировал данный процесс с носителями позднегородецких традиций (Халиков, 1962, с. 22).

Керамика второго типа из Пановского поселения находится в одном хронологическом диапазоне с слабопрофилированной посудой из Дьякова городища, найденной в основании верхнего слоя и его среднем горизонте, датирующемся I вв. до н. э. – IV вв. н. э. (Кренке, 2011, с. 143–144) – схожи стиль оформления края, профилировка, характер обработки поверхности. Близкая посуда известна и на позднегородецких памятниках. Безусловно, это только намечаемые хронологические параллели, какие-то общие эпохальные черты, фиксирующиеся при изготовлении керамической посуды, но не культурная идентичность. В труднодоступных лесных заволжских районах определенно намечается свой, пока слабоизученный, контекст разви-

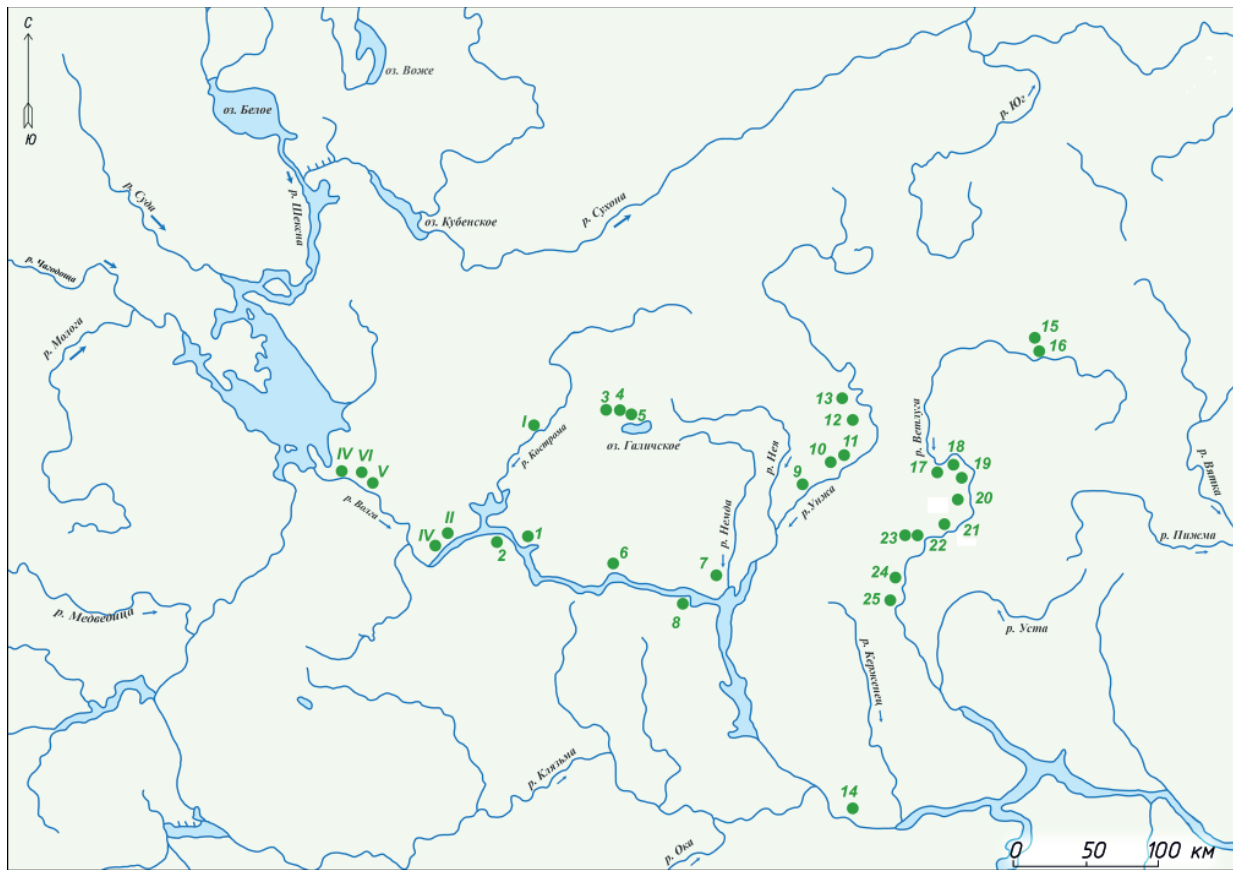

Рис. 13. Карта памятников II в. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. лесного Заволжья

(от бассейна р. Ветлуги до р. Костромы), включая Серюпитинское городище и поселение Говядиново.

1 – городище Минское; 2 – поселение Говядиново; 3 – городище Унорож; 4 – городище Брюхово; 5 – поселение Вознесенское IV; 6 – городище Городище; 7 – селище Хохлянки; 8 – Серюпитинское городище; 9 – поселение Унжа 3; 10 – селище Леонтьево; 11 – городище Городищево; 12 – Сезеневское городище; 13 – Рапоновское городище; 14 – селище Память Парижской коммуны 2; 15 – поселение Никола II; 16 – поселение Красноборы IV; 17 – поселение Паново городище; 18 – Троицкое городище; 19 – Одоевское городище; 20 – Спасское городище; 21 – Чортово (Федоровское) городище; 22 – Шилихинское городище; 23 – Шилихинское II городище; 24 – селище Подушкино 2; 25 – Богородское городище.

Ряд памятников I тыс. н. э. (предположительно, первой половины) в междуречье рек Костромы и Шексны.

I – селище Княгинино; II – селище Тимохино 3; III – Диево городище; IV – селище Гаврилово 1; V – поселение Шашково 3; VI – Василево.

Fig. 13. Location of sites of the II century BC – the first half of the I millennium AD of the forest Transvolga region (from the Veluga River basin to the Kostroma River), including the Seryupitino hillfort and Govyadinovo settlement. 1 – Minskoye hillfort; 2 – Govyadinovo settlement; 3 – Unorozh hillfort; 4 – Bryukhovo hillfort; 5 – Voznesenskoye IV settlement; 6 – Goroditche hillfort; 7 – Khokhlyanki settlement; 8 – Seryupitino hillfort; 9 – Unzha 3 settlement; 10 – Leontyeyev settlement; 11 – Goroditchevo hillfort; 12 – Sezeneyev hillfort; 13 – Raponovo hillfort; 14 – Pamyat Parizhskoy kommuny settlement 2; 15 – settlement Nikola II; 16 – settlement Krasnobory IV; 17 – settlement Panovo hillfort; 18 – Troitskoye hillfort; 19 – Odoyevskoye hillfort; 20 – Spasskoye hillfort; 21 – Chortovo (Fedorovskoye) hillfort; 22 – Shilikhi hillfort; 23 – Shilikhi II hillfort; 24 – Podushkino settlement 2; 25 – Bogorodskoye settlement.

A number of sites of the I millennium AD (presumably, the first half) in the Kostroma and Sheksna rivers basin.

I – Knyaginino settlement; II – Timokhino 3 settlement; III – Diyevo hillfort; IV – Gavrilovo 1 settlement; V – settlement Shashkovo 3; VI – Vasilevo.

тия, однако контакты с сопредельными культурными образованиями отметить можно.

Поселений этого периода в лесном Заволжье в промежутке между бассейнами рек Ветлуги и Костромы известно немного (рис. 13), системного их изучения не проводилось.

Аналогичная ситуация складывается и в Ярославском Поволжье, на левобережных участках р. Волги, в междуречье Костромы и Шексны, где памятники этого периода малочисленны и обследованы только разведками. Предположительно, к этому времени можно отнести

поселения Тимохино 3, Василево, Гаврилово 1, Шашково 3 и Диево городище, на которых обнаружена лепная керамика без орнамента, предварительно отнесенная к дьяковской культуре (Комаров, 2005, с. 144, 148, 241, 247). Керамическая шкала для памятников этого микрорегиона не разработана, сейчас поселения только условно могут быть датированы первой половиной I тыс. н. э.

К западу от этих регионов, в Молого-Шекснинском междуречье, ярко представлены погребальные памятники конца I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. (Башенькин, 1997; Башенькин, Васенина, 2006), в то же время А.Н. Башенькин обращает внимание, что в восточной части Вологодской области памятники этого времени изучены слабо (Башенькин, 1997).

Еще П.Н. Третьяков считал, что памятников начала I тыс. н. э. в Волжском левобережье, в промежутке от р. Костромы до р. Унжи, «вовсе не известно» (Третьяков, 1941, с. 43). И.В. Исланова констатирует, что сведения о материальной культуре населения Верхневолжского региона II–IV вв. н. э. в целом немногочисленны, известно небольшое количество памятников и предшествующего времени (вторая половина I тыс. до н. э.) (Исланова, 2019, с. 55, 69). А.Е. Леонтьев отмечает, что в Костромском Поволжье в основном имеются только ранние памятники РЖВ, из поздних выделяется Минское городище (раскопки Е.И. Горюновой), которое содержит материалы до III в. н. э. (Леонтьев, 1997 с. 113–114). Дополняя эти данные материалами исследований последних лет, необходимо отметить, что в 2016 г. О.В. Новиковой в окрестностях Галичского озера на городище Брюхово обнаружены находки III–V вв. н. э. (Новиков, 2020). Среди памятников в бассейне р. Унжи можно выделить Рапоновское городище (раскопки Г.А. Архипова 1979 г.), селища Унжа III и Леонтьево, обнаруженные разведками Ю.Н. Урбана (Новиков, 2018), а также городища Сезеневское (Бадер, 1951а, рис. 1) и Городищево (Комаров, 1999, с. 230). В правобережье р. Волги в пределах современной Костромы известно поселение Говядиново, где помимо сетчатой керамики эпохи поздней бронзы выявлена керамика второй четверти I тыс. н. э. (Новиков, 2019б). В пределах Костромского Поволжья нужно упомянуть городище Городище и поселение Хохлянки, открытые

К.И. Комаровым, а также селище Княгинино, обследованное Ю.Н. Урбаном (Новиков, 2018, с. 100, 115, 135). При раскопках в 2021–2022 гг. в Галичском приозерье на городище у с. Унорож и поселении Вознесенское IV также получены материалы первой половины I тыс. н. э. В пределах левобережья Нижегородского Поволжья известно селище Память Парижской коммуны 2, обследованное П.Н. Старостиным и причисленное им к кругу позднегородецких древностей (Николаенко, 2013, с. 155). В Поветлужье среди памятников, которые могут быть отнесены к кругу поселений позднего этапа эпохи железа, следует назвать Троицкое, Спасское (?), Одоевское, Федоровское (Чортово) (?), Богородское городища, где собрана заглаженная керамика (Воеводский, 1951, с. 168–170). Дополнить этот список, очевидно, можно селищем Подушкино 2, где найдена керамика позднегородецкого облика (Николаенко, 2013, с. 174). В этот ряд можно включить и городище Шилиха II, открытое в 2022 г. А.Х. Халиков к памятникам первой половины и середины I тыс. н. э. в Поветлужье относил Богородское, Осетровское, Шилихинское, Чортово и Спасское городища (Халиков, 1962, карта 2). В частности, на Шилихинском городище вместе с плоскодонной заглаженной керамикой найден колокольчик, датируемый не ранее III в. н. э. (Архипов, 1982, с. 16). Необходимо акцентировать внимание и на том, что на городищах имеется и керамика середины – третьей четверти I тыс. н. э., то есть многие из этих памятников Ветлужского бассейна получили развитие и во второй половине I тыс. н. э.

В верховьях бассейна р. Ветлуги известно два памятника: поселение Никола (Красноборы IV), выявленное К.И. Комаровым в 1985 г. (Комаров, 1999, с. 138), и поселение Никола II, открытое О.В. Новиковой в 2022 г. На обоих поселениях обнаружена керамика с подштрихованной и заглаженной поверхностью, синхронная посуде из верхних слоев Одоевского и Богородского городищ. Безусловно, на многих из перечисленных памятников требуются стационарные исследования для уточнения датировок.

Таким образом, определяя круг известных на сегодняшний день поселений позднего этапа железного века лесного Заволжья, можно прийти к выводу, что памятники этого времени малочисленны и рассредоточены на

достаточно большой территории. Керамика из поселений данного периода плоскодонная (нередко донце с закраиной или уступом), с неорганическими примесями в формовочной массе (песок, дресва, шамот), с заглаженной (чаще) или подштрихованной поверхностью. По морфологическим признакам посуда разделяется на слабопрофилированную с прямой или иногда слегка прогнутой шейкой (преимущественно высокой) и слабовыпуклыми плечиками; посуду, близкую к тюльпановидным формам, с выпуклыми плечиками, встречаются со сглаженным ребристым выступом (или крутые); плавнопрофилированную керамику с вогнутой шейкой, выпуклыми округлыми или слабовыпуклыми плечиками; сосуды баночно-чашевидной формы (редко). Слабая профилировка верхней части горшков с заглаженной поверхностью продолжает традиции сетчатой керамики. Популярность горшков со слабым профилем в лесной полосе сохраняется и на позднем этапе железного века. Особый интерес вызывает сохранение в первых веках н. э. на памятниках лесного Заволжья (от Молого-Шекснинского междуречья до бассейна рек Унжи и Ветлуги) собственно сетчатой керамики, но следует признать, что традиция подобного декора постепенно изживает себя. Характерно, что сетчатые отпечатки на поверхности сосудов этого времени нанесены не так плотно, как на ранних памятниках, а разреженно, большие участки стенок при этом остаются заглаженными. В частности, такая керамика имеется на городищах у с. Унорож, Минском и Рапоновском и в верхних горизонтах Одоевского, где она находится вместе с подштрихованной и заглаженной керамикой, что косвенно вполне может указывать на совместное бытование этих типов посуды. Украшаются горшки редко, в основном орнаментируется край. Близкие процессы отражают и материалы Серюпитинского городища (Столяр, Хлобыстин, 1963).

Вполне допустимо, что в дальнейшем на столь обширной территории выявятся отличия в керамических наборах и выделятся отдельные локальные группы памятников с характерными типами керамики на Ветлуге, Унже, Галичско-Чухломской возвышенности, Костромской низине и Ярославском Заволжье. Например, уже сейчас можно наблюдать, что для памятников западных территорий харак-

терна добавка дресвы в формовочную массу, а восточных – шамот. Обнаруживается и сочетание керамики с различными примесями (песок, дресва и шамот) на одном памятнике, среди таких отметим городища Рапоновское, Городищево, Сезеневское и поселение Хохлянки (Новиков, 2018, с. 115–116; Комаров, 1999, с. 230–231), расположенные в бассейне р. Унжи. Развитие и финал этих древностей в лесном Заволжье от бассейна р. Ветлуги до бассейна р. Костромы представляются пока еще очень слабо, материалов собрано недостаточно, а имеющиеся требуют переосмысления. Вещей индивидуального характера – хроноиндикаторов первой половины I тыс. н. э. на поселениях практически нет. Заселялись площадки (чаще всего высокие городищенские), преимущественно обжитые ранее населением с сетчатой керамикой и ВВК АКЮ.

Разумеется, материалы одного конкретного поселения не позволяют делать окончательные выводы о складывании культурно-исторической среды и преемственности отдельных традиций, но поставить вопросы выделения поселений первой половины I тыс. н. э. лесного Заволжья и определения их отличительных признаков, несомненно, следует: в каких историко-культурных традициях происходило развитие данного микрорегиона, как взаимосвязаны между собой керамические комплексы, под каким внешним влиянием они развивались – это лишь небольшой перечень, требующий решения.

Учитывая географическое расположение лесного Заволжья (от Молого-Шекснинского междуречья на западе до бассейна р. Унжи на востоке), благодаря чему на начальном этапе раннего железного века регион оказался на стыке культурных традиций (раннедьяковской, аозинской, позднекаргопольской), стоит признать его открытость и естественный потенциал к взаимодействию и восприятию различных новых культурных импульсов.

Начиная с середины I тыс. до н. э. местное население начинает активнее ориентироваться на восток и поддерживает устойчивые связи с Волго-Камьем, достаточно быстро сокращая и нивелируя культурную дистанцию в этом направлении. Высокая инкорпорированность носителей разных культурных традиций (с сетчатой керамикой и ВВК АКЮ) позволяет говорить об одном культурном мире уже в VI/V–III вв. до н. э. На позднем этапе желез-

ного века (II в. до н. э. – V в. н. э.) поселения в заволжских лесах малочисленны и находятся на пересечении разных культурных миров – позднедьяковского и позднегородецкого с одной стороны и гляденовской и пьяноборской культурно-исторических общностей – с другой.

Основные выводы, которые можно сделать на основании изучения керамических комплексов из поселения «Паново городище», полученных Б.С. Жуковым в 1925 г., сводятся к следующим. Поселок раннего железного века был организован на донном всхолмлении, на месте поселения предшествующих эпох – неолита и бронзы, что в целом отражает специфику лесных заволжских поселенческих памятников. Ананьинское расселение по берегам Ветлуги начинается в IX в. до н. э., первопоселенцами являются представи-

тели аозинской культуры. Само появление носителей традиции изготовления сетчатой керамики на берегах Ветлуги можно соотносить с финалом бронзы (СКТК). Начиная с VII в. до н. э. эти места активно осваиваются населением ВВК АКЮ, оставившим яркий след в истории не только этого региона, но и всей лесной полосы Восточной Европы. В IV/III–III вв. до н. э. данное место посещается, очевидно, немногочисленными носителями рогожных керамических традиций городецкой культуры. Характер их взаимодействия с местным населением остается еще невыясненным. В конце I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э. и середине – третьей четверти I тыс. н. э. здесь существует поселение, индикатором которого является заглаженная керамика, изготовленная в двух разных, вероятно следующих друг за другом, традициях.

ЛИТЕРАТУРА

Архипов Г.А. Городища и селища Поветлужья и Горьковского Заволжья (к истории марийско-славянских контактов) // Поселения и жилища Марийского края / АЭМК. Вып. 6 / Научн. ред. Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1982. С. 5–50.

Архипов Г.А. Городища первой половины I тыс. н. э. в Марийской АССР // Труды МАЭ. Т. II. / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. С. 206–231.

Архипов Г.А., Патрушев В.С. Ардинское городище // Поселения и жилища Марийского края / АЭМК. Вып. 6 / Научн. ред. Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1982. С. 51–82.

Бадер О.Н. Городища Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Ред. В.Н. Чернецов. М.: АН СССР, 1951а. С. 110–158.

Бадер О.Н. Древнее Поветлужье в связи с вопросами этногенеза Мари и ранней истории Поволжья // СЭ. 1951б. № 2. С. 15–41.

Башенькин А.Н. Вологодская область в древности и средневековье // Вологда: краеведческий альманах. Вып. 2 / Гл. ред. М.А. Безнин. Вологда: Легия, 1997. С. 5–35.

Башенькин А.Н., Васенина М.Г. Городище и погребальный комплекс раннего железного века у д. Городок в верховьях р. Чагоды // Археология: история и перспективы: Вторая межрегиональная конференция / Ред. А.Е. Леонтьев. Ярославль, 2006. С. 49–58.

Буров Г.М. О нижнем хронологическом пределе лебяжской культуры // СА. 1983. № 2. С. 34–50.

Васкул И.О., Ашихмина Л.И. Памятники ананьинского времени на территории Европейского Северо-Востока // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 242–287.

Воеводский М.В. Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Ред. В.Н. Чернецов. М.: АН СССР, 1951. С. 159–180.

Ефремова Д.Ю. Отчёт о раскопках Чортова городища в Нижегородской области летом 2009 г. Йошкар-Ола, 2010. 196 с. // Архив МарНИИЯЛИ им. В. М. Васильева. Оп. 1. № 1138.

Ефремова Д.Ю., Соловьев Б.С. Сиухинское поселение (предварительные итоги исследований 2009–2011 гг.) // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С. В. Кузьминых, А. А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 225–240.

Жуков Б.С. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // Этнография. 1929. № 1. С. 54–77.

Зубов С.Э., Гришаков В.В., Мясников Н.С. Памятники писеральско-андреевского типа // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 392–409.

Исланова И.В. Культурно-исторические процессы во II–VIII вв. н. э. в бассейнах Верхней Волги и Верхней Мсты. Дисс. ... докт. истор. наук. М., 2019. 697 с.

Археологическая карта России. Костромская область / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: «Восточная литература» РАН, 1999. 368 с.

Комаров К.И. Археологическая карта России. Ярославская область. М.: ИА РАН, 2005. 408 с.

Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

Кузьминых С.В. Об ананьинской обработке бронзы // Из истории и культуры вологовских и ананьинских племен Среднего Поволжья / АЭМК. Вып. 2 / Ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1977. С. 127–166.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, 2009. С. 29–55.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Введение в археологию ананьинской культурно-исторической области: Северо-Восток Европы в финале бронзового и раннем железном веках // Археология Евразийских степей. 2017. № 3. С. 22–36.

Кузьминых С.В., Чижевский А.П. Культуры раннего железного века лесной зоны Восточной Европы // Каталог выставки «Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н. э.» / А.Ю. Алексеев, М. Наврот, А. Гасс, Ю.Ю. Пиотровский. Спб.: Чистый лист, 2020. С. 244–255.

Леонтьев А.Е. Железный век // Археология Костромского края / Отв. ред. А.Е. Леонтьев. Кострома: ГНПЦ по сохранению, реставрации и использованию ист.-культур. наследия Костром. обл., 1997. С. 84–137.

Лопатина О.А. Некоторые технологические данные о керамике дьякова городища и городищ дьякова типа // Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН, 2011. С. 127–134.

Манюхин И.С. Специфические черты позднекаргопольской культуры // КСИА. Вып. 194 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1988. С. 11–16.

Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИАН РТ, 2007. 136 с.

Михеев А.В. Ананьинский горизонт Ардинского городища // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 33–43.

Михеев А.В. Средневековый слой Ардинского городища (по материалам исследования 2013 г.) // Поволжская археология. 2018. № 1 (23). С. 241–252.

Мясников Н.С. Этнокультурные процессы в Чувашском Поволжье в I–VIII веках нашей эры в свете археологических данных. (Научные доклады ЧГИГН. Вып. 13. Чебоксары, 2013. 72 с.

Никитин В.В., Соловьев Б.С. Сомовское II городище // Древности Поволжья и Прикамья / АЭМК. Вып. 25 / Ред. В.В. Никитин, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2001. С. 4–41.

Никитин В.В. Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: Изд-во ОАО «МПИК», 2009. 415 с.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 432 с.

Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. Часть 3. ИА РАН. М. 2013. 405 с.

Новиков А.В. Отчет об археологической разведке в 1999 г. в Вохомском и Шарьинском районах Костромской области. Кострома, 2000 // Архив ИА РАН. Р-1. № 23320.

Новиков А.В. Керамический комплекс поселения Ватажка (по материалам раскопок В. И. Смирнова 1925–1927 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. II / Под ред. И. Н. Черных Тверь: Триада, 2015. С. 69–86.

Новиков А.В. Поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века Костромского Поволжья // Археология Евразийских степей. 2018. № 2. 282 с.

Новиков А.В. Актуальные проблемы изучения поселений РЖВ восточной части бассейна Верхней Волги (Костромское и Ивановское Поволжье). К постановке вопросов // Археология Евразийских степей. 2019а. № 2. С. 179–200.

Новиков А.В. Керамика поселения Говядиново (из исследований В. И. Смирнова, 1925–1926, 1928 гг.) // Археология Евразийских степей. 2019б. № 4. С. 291–316.

Новиков А.В. К вопросу о развитии сетчатых керамических традиций в поздний период эпохи бронзы – раннем железном веке в окрестностях Галичского озера (по материалам городища Брюхово) // Археология Евразийских степей. 2020. № 2. С. 329–368.

Новиков А.В. Сетчатая керамика поселения Умиленье // Поволжская археология. 2021а. № 1 (35). С. 49–64.

Новиков А.В. Одоевское городище. К вопросу о культурной специфике Повелужья в раннем железном веке // Археология Евразийских степей. 2021б. № 2. С. 108–169.

Новиков А.В. Культурная трансформация на Верхней Волге в раннем железном веке // Археология Евразийских степей. 2022. № 2. С. 382–405.

Новиков А.В., Недомолкина Н.Г. Керамика эпохи поздней бронзы – раннего железного века поселения Векса I (по материалам исследований 2007–2008 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 12 / Отв. ред. И. Н. Черных. Тверь: Триада, 2021. С. 353–374.

Новиков А.В., Швецова А.А. Технологическое изучение сетчатой керамики из поселения Умиленье // Поволжская археология. 2022. № 3 (41). С. 151–157.

Ошибкина С.В. Краткая характеристика позднекаропольской культуры // КСИА. Вып. 142 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1975. С. 18–24.

Патрушев В.С. У истоков Волжских финнов. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1989 а. 122 с.

Патрушев В.С. Сомовское I городище // Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища / АЭМК. Вып. 15 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1989б. С. 103–114

Патрушев В. С. Текстильная керамика эпохи раннего железа на Ардинском городище // Вестник Пермского университета. Серия История. 2017. Вып. 1 (36). С. 63–73.

Соловьев Б.С. Изучение памятников эпохи бронзы в Марийской АССР // Древности Волго-Вятского междуречья / АЭМК. Вып. 12 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1987. С. 72–88.

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья / Труды МАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2000. 264 с.

Соловьев Б.С. Археологические культуры юга лесного Поволжья на рубеже среднего и позднего бронзового века / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 9. Йошкар-Ола: МарГУ, 2016. 412 с.

Ставицкий В.В. Городецкая культура // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 313–338.

Сташенков Д.А. Памятники позднескифского круга в Среднем Поволжье // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 410–421.

Столяр А. Д., Хлобыстин Л. П. Городище у дер. Серюпитино // МИА. № 110 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. М.-Л.: АН СССР, 1963. С. 227–238.

Стоянов В.Е. Отчет об исследованиях Богородского городища // Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции за 1958 г. Т. I. Казань – Йошкар-Ола, 1959 / НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф-1. Оп. 1. № 20. С. 191–194.

Третьяков П.Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. / МИА № 5. М., Л.: АН СССР, 1941. 367 с.

Фоломеев Б.А. Типология текстильных отпечатков и хронологическое распространение отдельных видов сетчатых фактур. Дополнения из черновиков // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 319–335.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 264 с.

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края / Тр. МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Марийское книж. изд-во, 1962. С. 7–187.

Черных Е.М., Чижевский А.А. Ананьинская культурно-историческая область. Вятско-ветлужская культура (гребенчато-шнуровой керамики) // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 217–241.

Чижевский А.А., Галимова М.Ш., Губайдуллина А.В. Казанская стоянка (по материалам исследований 1938 г.) // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 124–164.

Чижевский А.А., Кузьминых С.В., Патрушев В.С. Ананьинская культурно-историческая область. Культура текстильной керамики (акозинско-ахмыловская) // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 141–161.

Чижевский А.А., Хисьяметдинова А.А. Оборонительные сооружения мысовых городищ Волго-Камья в раннем железном веке и раннем средневековье / Археология Евразийских степей. 2020. № 2. 8–277 с.

Чижевский, А.А., Соловьев Б.С., Азаров Е.С. Средневожская культура текстильной керамики // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 580–600.

Юшкова М.А. Новые находки металлических изделий эпохи бронзы на Северо-Западе России // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Том 1. / Отв. ред. И. Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 273–288.

Информация об авторе:

Новиков Александр Викторович, кандидат исторических наук, заместитель генерального директора, ООО «Костромская археологическая экспедиция» (г. Кострома, Россия); kae44@mail.ru; novikov-kostroma@mail.ru

REFERENCES

Arkhipov, G. A. 1982. In Arkhipov, G. A., Sepeev, G. A. (eds.). *Poseleniia i zhilishcha Mariiskogo kraia (Settlements and Dwellings of the Mari Land)*. Series: Arkheologii i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 6. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 5–50 (in Russian).

Arkhipov, G. A. 1962. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition)* II. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ., 06–231 (in Russian).

Arkhipov, G. A., Patrushev, V. S. 1982. In Arkhipov, G. A., Sepeev, G. A. (eds.). *Poseleniia i zhilishcha Mariiskogo kraia (Settlements and Dwellings of the Mari Land)*. Series: Arkheologii i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 6. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 51–82 (in Russian).

Bader, O. N. 1951a. In Chernetsov, V. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural’ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area)*. III. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 110–158 (in Russian).

Bader, O. N. 1951b. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (2), 15–41 (in Russian).

Bashen’kin, A. N. 2006. In Beznin, M. A. (ed.-in-chief). *Vologda: kraevedcheskiy al'manakh (Vologda: local history almanac)* 2. Vologda: “Legiia” Publ., 5–35 (in Russian).

Bashen’kin, A. N., Vasenina, M. G. 2006. In Leontiev, A. E. (ed.). *Arkheologii: istoriia i perspektivy (Archaeology: History and Perspectives)*. Yaroslavl: Yaroslavl State Historical, Architectural and Art Museum-Reserve, 49–58 (in Russian).

Burov, G. M. 1983. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 34–50 (in Russian).

Vaskul, I. O., Ashikhmina, L. I. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 242–287 (in Russian).

Voevodskiy, M. V. 1951. In Chernetsov, V. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) III*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 159–180 (in Russian).

Efremova, D. Yu. 2010. *Otchet o raskopkakh Chortova gorodishcha v Nizhegorodskoy oblasti letom 2009 g. (Report on the excavations of Чортова городища in the Nizhny Novgorod region in the summer 2009)*. Yoshkar-Ola. Archive of the Mari Research Institute of Language, Literature, and History. Inv. 1, dossier 1138 (in Russian).

Efremova, D. Yu., Solov'ev, B. S. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 225–240 (in Russian).

Zhukov, B. S. 1929. In *Etnografiia (Ethnography)* 1. 54–77 (in Russian).

Zubov, S. E., Grishakov, V. V., Myasnikov, N. S. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 392–409 (in Russian).

Islanova, I. V. 2019. *Kul'turno-istoricheskie protsessy vo II–VIII vv. n. e. v basseynakh Verkhney Volgi i Verkhney Msty (Cultural and historical processes in the II–VIII centuries AD in the Upper Volga and Upper Msta basins)*. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Krasnov, Yu. A. (ed.). 1999. *Arkheologicheskaya karta Rossii. Kostromskaya oblast' (Archaeological Map of Russia: Kostroma Oblast)*. Moscow: "Vostochnaya Literatura" Publ., Russian Academy of Sciences (in Russian).

Komarov, K. I. 2005. *Arkheologicheskaya karta Rossii. Yaroslavskaya oblast' (Archaeological Map of Russia. Yaroslavl Region)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Krenke N. A. 2011. *Dyakovo gorodishche: kultura naseleniya basseyna Moskvyy-reki v I tys. do n. e. – I tys. n. e. (Dyakovo Hillfort: culture of the population of the basin of the Moscow river in the I Millennium BC – I Millennium BC)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 1977. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Iz istorii i kul'tury volosovskikh i anan'inskikh plemen Srednego Povolzh'ia (Concerning the History and Culture of Volosovo and Ananyino Tribes from the Middle Volga Region)*. Series: Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 2. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 127–166 (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 1983. *Metallurgiya Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza) (Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 29–55 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2017. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3. 22–36 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2020. In Alekseev, A. Yu., Navrot, M., Gass, A., Piotrovskiy Yu. Yu. (eds.). *Zheleznyy vek. Evropa bez granits. Pervoe tysyacheletie do n. e. Katalog vystavki (The Iron Age. Europe without Borders. First Millennium Before the Common Era. Catalogue of Exhibition)*. Saint Petersburg: "Chisty list" Publ., 244–255 (in Russian).

Leont'ev, A. E. 1997. In Leont'ev, A. E. (ed.). *Arkheologiya Kostromskogo kraia (Archaeology of the Kostroma Land)*. Kostroma: State Research and Production Center for the conservation, restoration and use of historical and cultural heritage of the Kostroma region, 84–137 (in Russian).

Lopatina, O. A. 2011. In Krenke N. A. *Dyakovo gorodishche: kultura naseleniya basseyna Moskvyy-reki v I tys. do n. e. – I tys. n. e. (Dyakovo Hillfort: culture of the population of the basin of the Moscow river in the I Millennium BC – I Millennium BC)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 127–134 (in Russian).

Manyukhin, I. S. 1975. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 194. Moscow: “Nauka” Publ., 11–16 (in Russian).

Markov, V. N. 2007. *Nizhnee Prikame v ananinskiu epokhu (The Lower Kama Region during the Ananyino Epoch)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 4. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Mikheev, A. V. 2017. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 33–43 (in Russian).

Mikheev, A. V. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 23 (1), 241–252 (in Russian).

Myasnikov, N. S. 2013. *Etnokul'turnye protsessy v Chuvashskom Povolzh'e v I–VIII vekakh nashey ery v svete arkheologicheskikh dannyykh (Ethnic-cultural Processes in the Chuvash Volga Region in the 1st–8th Centuries AD in the Light of Archaeological Data)*. Nauchnye doklady ChGIGN (Scientific Reports of Chuvash State Institute for Humanities) 13. Cheboksary: Chuvash State Research Institute for Humanities (in Russian).

Nikitin, V. V., Solov'ev, B. S. 2001. In Nikitin, V. V., Solov'ev, B. S. (eds.). *Drevnosti Povolzh'ia i Prikam'ia (Antiquities of the Volga and Kama Regions)*. Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 25. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, History and Ethnography Institute, 4–41 (in Russian).

Nikitin, V. V. 2009. *Arkheologicheskaya karta Respubliki Marii El (Archaeological Map of the Mari El Republic)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskii poligraficheskoye-izdatel'skii kombinat” Publ. (in Russian).

Nikitina, T. B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkheologicheskim materialam) (Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).

Nikolaenko, T. D. 2013. *Arkheologicheskaya karta Rossii. Nizhegorodskaya oblast' (Archaeological Map of Russia. Nizhny Novgorod Region)*. Part 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Novikov, A. V. 2000. *Otchet ob arkheologicheskoy razvedke v 1999 g. v Vokhomskom i Shar'inskom rayonakh Kostromskoy oblasti (Report on reconnaissance in 1999 in Vokhomskiy and Sharyinskiy districts of Kostroma region)*. Kostroma. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R. 1, no. 23320 (in Russian).

Novikov, A. V. 2015. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Volume of Papers)* 10 (II). Tver: “Triada” Publ., 69–86 (in Russian).

Novikov, A. V. 2018. *Settlements with comb-cord and cord ceramics of the early Iron Age of the Kostroma Volga region*. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2 (in Russian).

Novikov, A. V. 2019a. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2 (in Russian), 179–200.

Novikov, A. V. 2019b. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 291–316 (in Russian).

Novikov, A. V. 2020. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 329–368 (in Russian).

Novikov, A. V. 2021a. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 35 (1), 49–64 (in Russian).

Novikov, A. V. 2021b. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 108–169 (in Russian).

Novikov, A. V. 2022. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 382–405 (in Russian).

Novikov, A. V., Nedomolkina, N. G. 2000. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Volume of Papers)* 12. Tver: “Triada” Publ., 353–374 (in Russian).

Novikov, A. V., Shvetsova, A. A. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 41 (3), 151–157 (in Russian).

Oshibkina, S. V. 1975. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 142. Moscow: “Nauka” Publ., 18–24 (in Russian).

Patrushev, V. S. 1989. *U istokov volzhskikh finnov (At the Origins of the Volga Finns)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

Patrushev, V. S. 1989. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Arkheologicheskie raboty 1980–1986 godov v zone Cheboksarskogo vodokhranilishcha (Archaeological Activities of 1980–1986 in the Area of Cheboksary Reservoir)*. Series: Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 15. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 149–173 (in Russian).

Patrushev, V. S. 2017. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriia» (Bulletin of the Perm University. History Series)* 36 (1), 63–73 (in Russian).

Solov'ev, B. S. 1987. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Drevnosti Volgo-Viatskogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Volga and Vyatka Interfluvial Area)*. Series: Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 12. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History I, 8–24 (in Russian).

Solov'ev, B. S. 2000. *Bronzovyi vek Mariiskogo Povolzh'ia (Bronze Age of Mari Volga Area)*. Series: Trudy Mariyskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Mari Archaeological Expedition) VI. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

Solov'ev, B. S. 2016. *Arkheologicheskie kul'tury iuga lesnogo Povolzh'ia na rubezhe srednego i pozdnego bronzovogo veka (Archaeological Cultures of the Southern Forest Volga Region at the Turn from the Middle to the Late Bronze Age)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region) 9. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 313–338 (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 410–421 (in Russian).

Stolyar, A.D., Khalikova, E. A. 1963. In Tretyakov P. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 110. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 239–268 (in Russian).

Stoyanov, V. E. 1959. *Otchet o polevykh issledovaniyakh mariyskoy arkheologicheskoy ekspeditsii za 1958 g. (Report on Field Studies of the Mari Archaeological Expedition in 1958)* I. Kazan' – Yoshkar-Ola. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Archaeology Institute named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Fund 1. Inv. 1, dossier 20, 191–194 (in Russian).

Tret'yakov, P. N. 1941. *K istorii plemen Verhnego Povolzh'ia v pervom tysyacheletii n. e. (The History of the Tribes of the Upper Volga Region in the First Millennium AD.)* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 5. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Folomeev, B. A. 2017. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 319–335 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza (VIII–VI vv. do n. e.) (The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1962. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Zheleznyi vek Mariiskogo kraia (Iron Age of the Mari Region)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition II. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ., 7–187 (in Russian).

Chernykh, E. M., Chizhevsky, A. A. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 217–241 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Galimova, M. Sh., Gubaidullina, A. V. 2019. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2. 124–164 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Kuzminykh, S. V., Patrushev, V. S. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 141–161 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Khisyametdinova, A. A. 2020. *Defensive structures of the cape settlements of the Volga-Kamya in the Early Iron Age and early Middle Ages*. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 8–277 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Solov'ev, B. S., Azarov, E. S. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 580–600 (in Russian).

Yushkova, M. A. 2011. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Volume of Papers)* 8 (1). Tver: "Triada", 273–288 (in Russian).

About the Author:

Novikov Aleksander V. Candidate of Historical Sciences. "Kostromskaia Arkheologicheskaja Ekspeditsia" Ltd. Marshal Novikov Str., 10, Kostroma, 156013, Russian Federation; kae44@mail.ru; novikov-kostroma@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2023 г.
Статья принята к публикации 01.04.2023 г.